

АЛЕКСАНДР
КОЛЮЧИЙ

ВОДНЫЙ
БАРОН



Александр (Колючий)
Водный барон. Том 1

«Автор»

2026

(Колючий) А. Л.

Водный барон. Том 1 / А. Л. (Колючий) — «Автор», 2026

Попал в тело нищего боярина с огромным долгом? Не беда. Главное — не снасти, а мозги. В прошлом мире я управлял поставками на миллионы. В этом — я начну с одной лодки и переверну всю экономику княжества. Мои враги — могущественный клан Авиновых и речные пираты. Мое оружие — логистика, жесткий расчет, который делает меня хозяином реки. Они хотят отобрать мой дом? Я куплю их дома. Они хотят войны? Я устрою им разорение. История о том, как строится империя. С нуля.

© (Колючий) А. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр (Колючий) Водный барон. Том 1

Глава 1

Я молча смотрел на норвежцев, позволяя тишине стать почти осязаемой. Секунду, две, три — достаточно долго, чтобы они начали ёрзать на стульях, безуспешно пытаясь найти комфортное положение. Переговорная на тридцатом этаже напоминала стерильную операционную: белые стены, стеклянный стол, панорамное окно от пола до потолка, за которым растекался дождливый мегаполис — серые крыши, мокрый асфальт, машины, застывшие в пробках вечернего часа пик, словно жуки в янтаре.

Пятница. Три часа дня. Время, когда нормальные люди уже думают о выходных.

Двое мужчин напротив — один лысый, второй с аккуратной бородой — были мокрыми от пота, хотя кондиционер работал исправно, поддерживая комфортные двадцать два градуса. Их дорогие пиджаки от Hugo Boss были мятыми, словно в них спали всю ночь. Лица красные, глаза налиты кровью. Они явно явились сюда прямо из аэропорта, даже не заезжая в гостиницу. На столе перед ними лежали мятые посадочные талоны, которые они то и дело теребили в пальцах, словно чётки.

Лысый открыл рот первым, и в его голосе я услышал характерное норвежское растягивание гласных, которое выдавало иностранца:

— Глеб, поймите

Я поднял ладонь. Жест был лёгкий, почти ленивый, но фраза оборвалась мгновенно, словно отрезанная ножом. В переговорной снова стало тихо.

Я разблокировал экран телефона, открыл папку с документами и пролистал три страницы — медленно, методично, усиливая напряженность момента, дав поту на их лбах выступить ещё отчётливее. Нашёл нужный пункт, прочитал про себя, кивнул сам себе и положил телефон на стол экраном вниз, давая понять, что я не тороплюсь и все козыри — у меня.

— Пункт четыре-два, — сказал я так тихо, что они оба инстинктивно подались вперёд, чтобы не пропустить ни слова.

Оба норвежца вздрогнули синхронно, словно их ударило током. У лысого был такой вид, словно я вытащил пистолет, а не назвал пункт контракта.

— При форс-мажоре, — продолжил я тем же ровным, почти монотонным тоном, не повышая голоса (кричать нужно только тогда, когда у тебя нет аргументов), — у поставщика есть четырнадцать дней на поиск альтернативного маршрута. — Я сделал паузу, давая словам осесть, глядя им прямо в глаза, фиксируя их реакцию. — Шторм в Норвежском море начался шестнадцать дней назад.

Бородатый дёрнулся, как марионетка, которую резко дёрнули за нитку:

— Но шторм же

— Вы две недели ждали у моря погоды, — перебил я, не давая ему развить мысль: я знал, куда он ведёт, и мне не нужна была эта дорога. — Буквально. Ждали, надеялись, молились, может быть, но не действовали.

Лысый попытался что-то сказать, набрал воздуха в лёгкие, но я продолжил, не дав ему вставить ни слова, раздавливая аргументы прежде, чем он успел их сформулировать:

— Время вышло вчера в полночь. — Я стукнул указательным пальцем по столу — один раз, отрывисто, как судья молотком. — Сегодня это уже не форс-мажор. Это халатность. Ваша халатность.

— Глеб, мы не могли предвидеть, что шторм продлится так долго, синоптики говорили

— Могли, — оборвал я.

Я разблокировал телефон, нашёл нужный контакт, посмотрел на норвежцев, давая им понять, что сейчас расклад сил в этой комнате изменится окончательно.

— Смотрите, — сказал я и нажал вызов, положив трубку на стол и включив громкую связь.

Три гудка, каждый из которых звучал в тишине переговорной, как удар колокола. Потом хриплый мужской голос, явно недовольный тем, что его оторвали от чего-то важного:

— Алекс слушает.

— Алекс, — сказал я, не сводя глаз с норвежцев, наблюдая, как меняются их лица, — это Глеб. Мне нужен борт.

Пауза. Потом недоверчивый смешок, словно он решил, что я шучу:

— Какой борт, Глеб? У меня сейчас свободны два «Боинга» и один

— «Антонов», — перебил я. — Который стоит в Гамбурге. Тот, что ты держишь на случай особых заказов.

Ещё одна пауза, значительно длиннее предыдущей. Я почти слышал, как Алекс делает какие-то расчёты в голове, прикидывает цифры, стоимость, логистику. Потом голос стал серьёзным. Он понял — я не шучу:

— Ты про «Руслан» говоришь? АН-124? Глеб, ты понимаешь

— Да, — сказал я, не давая ему закончить, чтобы не тратить время на объяснения очевидного. — Именно про него.

— Глеб — в голосе Алекса появилась нотка предостережения, которую я знал хорошо: он собирался сказать что-то о деньгах. — Ты понимаешь, сколько это будет стоить? Это не рейсовый самолёт, это

— Понимаю, — ответил я спокойно, почти равнодушно, словно речь шла не о сотнях тысяч долларов, а о такси до аэропорта. — У меня восемьдесят тонн лосося застряли в Осло. Один борт не увезёт — слишком много груза, слишком короткое окно возможностей. Мне нужен «Руслан», мне нужны его сто двадцать четыре тонны грузоподъёмности. У тебя есть три часа, чтобы забрать груз из порта Осло и встать на «окно» в Дубай, которое я уже забронировал через наших партнёров в Emirates.

Лысый норвежец побледнел так сильно, что я на секунду подумал, не вызвать ли ему скорую — казалось, он был на грани обморока. Бородатый сглотнул, и я видел, как его кадык дёргается, словно он пытается проглотить что-то очень большое и несъедобное.

— Три часа — это очень жёстко, Глеб, — сказал голос в динамике, и теперь в нём была не озабоченность, а профессиональная оценка задачи. — Растаможка, документы, команда, заправка Я не уверен, что мы успеем уложиться в

— Успеете? — спросил я, и в моём голосе была не угроза, а простая констатация факта: если он не успеет, я найду того, кто успеет, и Алекс это прекрасно знал.

Пауза. Потом вздох — не раздражённый, а скорее признательный, потому что Алекс любил сложные задачи, и я давал ему именно такую:

— Уже даю команду диспетчеру на подготовку к вылету. Груз заберём, успеем. Но счёт будет впечатляющим.

Я усмехнулся:

— Пришлѐшь на почту. Как обычно.

Я нажал отбой, убрал телефон в карман пиджака и посмотрел на норвежцев. Они сидели неподвижно, как статуи, словно боялись пошевелиться, чтобы не усугубить ситуацию. Лысый часто моргал, пытаясь осознать, что только что произошло. Бородатый смотрел в стол, словно пытаясь прочесть там объяснение, как они умудрились так провалиться.

— Мой самолёт будет в Осло через три часа, — мой голос был спокойным, деловым, без торжества и без злорадства: это была просто работа. — Ваша «халатность» только что

стоила вам разницы в логистике — разницы между обычным фрахтом и экстренным рейсом тяжёлого транспортника. — Я придвинул папку с документами через стол, и она заскользила по полированному стеклу с тихим шипением. — Счёт пришлют мои ассистенты в течение часа. А теперь подпишите здесь, пожалуйста, чтобы зафиксировать наше соглашение и ваше признание нарушения пункта четыре-два контракта.

Лысый взял ручку. Его рука дрожала — не сильно, но заметно, словно он держал не обычную шариковую ручку, а что-то очень тяжёлое. Он расписался неровно, криво, буквы расплзлись по странице, как пьяные муравьи. Бородатый расписался следом, его подпись была чуть увереннее, но в ней всё равно чувствовалось поражение.

Я встал, собрал документы в папку и отодвинул стул. В этот момент в переговорную вошёл Виктор Петрович — мой непосредственный руководитель, человек, который держал в руках все логистические нити компании. Он окинул взглядом сцену: норвежцев, сгорбившихся над подписанными документами, меня, застёгивающего пуговицу пиджака, и сразу всё понял.

— Господа, — обратился он к норвежцам на безупречном английском, которому я всегда завидовал. — надеюсь, мы нашли решение, устраивающее все стороны?

Лысый кивнул, не поднимая глаз. Бородатый пробормотал что-то неразборчивое.

Виктор Петрович вопросительно взглянул на меня, и я едва заметно кивнул.

— Отлично, — сказал он, и его голос был полон той деловой теплоты, которая означала, что переговоры завершены успешно. — Тогда позвольте мне проводить вас. Глеб, увидимся позже.

Для меня это был сигнал к выходу. Я кивнул норвежцам — один раз, коротко, в качестве завершающего штриха в симфонии переговоров — и вышел из переговорной, не оборачиваясь. Мне не нужно было видеть их лица, чтобы знать, что там было написано. За спиной я слышал, как Виктор Петрович начал говорить что-то успокаивающее о логистике и сроках, сглаживая острые углы, которые я намеренно оставил.

Я шагал по коридору к лифту, мимо стеклянных дверей других переговорных, мимо секретарей за стойками, мимо кулера с водой, который тихо булькал в углу. Они думали, я буду торговаться, но я не торгуюсь. Я не играю в эти игры. Я создаю новый маршрут, новое решение, новую реальность. Проблема была не в шторме — штормы случаются, и с этим ничего не поделаешь. Проблема была в узком горлышке их логистики, в их неспособности думать нестандартно, в их надежде на то, что природа сжалится. А я это узкое горлышко только что расширил до размера грузового люка АН-124.

Кабинет встретил меня привычной тишиной — в конце рабочего дня большинство сотрудников уже разошлись. Стол, маленький, но мой, два монитора, стеллаж с папками, за окном всё тот же дождь, который, кажется, не прекращал лить уже неделю. Я сел за стол, откинулся в кресле, потянулся, чувствуя, как затекшие мышцы спины приятно щёлкают, и открыл почту.

Сорок три непочитанных письма смотрели на меня с экрана, как небольшая армия, готовая к атаке.

Я на автомате сортировал письма по приоритету, даже не вчитываясь в темы — после нескольких лет работы здесь я научился определять важность письма одним взглядом. Нужно закрыть неделю. Выходные на турнире — это полное отключение от рабочих процессов. Два дня без почты, без звонков, без срочных вопросов. Я хотел уйти, зная, что ничего не горит.

Я разбирал письма с той же методичностью, с какой разделявал рыбу на турнирах — быстро, точно, без лишних движений. Ответил на срочные семь писем, требующих немедленной реакции. Перенаправил несрочные коллегам с короткими комментариями — двадцать три письма, которые могли подождать, но не должны были потеряться. Закрыв три отчёта — цифры, графики, прогнозы, которые я мог делать с закрытыми глазами, настолько въелась в меня структура этих еженедельных сводок.

Прошло минут сорок, может быть, чуть больше. Я не следил за временем, погружившись в привычный рабочий транс. За дверью послышались шаги — быстрые, твёрдые, уверенные. Так ходил только один человек. Я даже не поднял головы, когда дверь распахнулась без стука. Виктор Петрович никогда не стучал — он считал, что это прерогатива просителей, а не руководства.

Лицо Виктора Петровича было возбуждённым, с горящими глазами, как будто он только что стал свидетелем чего-то впечатляющего. Он махнул рукой куда-то за спину, в сторону переговорной, словно указывая на место преступления:

— Глеб, — начал он, покачивая головой и подбирая слова, что для него было нехарактерно — обычно он говорил быстро и чётко. — Норвежцы говорили мне, что такого специалиста встретили впервые за двадцать лет работы в логистике. Ты не просто нашёл выход из ситуации, которая казалась патовой. Ты нашёл решение за считанные секунды, причём решение настолько нестандартное, что они даже не могли его предвидеть. — Он усмехнулся, и в этой усмешке было искреннее восхищение. — Они думали, что мы стали заложниками ситуации, что у нас нет вариантов, что мы будем умолять их найти способ простить задержку, дать нам скидку. А ты за три минуты развернул всю игру на сто восемьдесят градусов и показал, что заложниками были они, а не мы.

Я оторвал взгляд от монитора и посмотрел на Виктора Петровича спокойно, без ложной скромности, но и без бравады:

— Я просто знаю контракт и понимаю логистику. Когда знаешь правила игры, всегда можешь найти ход, который не увидят те, кто играет интуитивно.

Виктор Петрович подошёл ближе, оперся ладонями о край моего стола, наклонился, глядя мне прямо в глаза с той серьёзностью, которая означала, что сейчас он скажет что-то важное:

— Послушай, я знаю, ты уезжаешь на выходные на свою рыбалку

Он усмехнулся. Я знал, что он считал это чудачеством — зачем тратить выходные на сидение в лодке, когда можно отдохнуть в ресторане или на даче?

— Но эта неделя ты вытащил нас. Вытащил компанию, вытащил контракт, вытащил репутацию. — Он сделал паузу, давая словам осесть. — И знаешь что? Я пообещал норвежцам, что премирую тебя за это решение, чтобы они увидели, что мы ценим таких специалистов, как ты. Это подняло нас в их глазах, показало, что мы — команда профессионалов. — Он выпрямился, довольный собой. — Правда, им это понимание обошлось в кругленькую сумму, но это их проблемы.

Я закрыл последний документ на экране, сохранил изменения:

— Спасибо, Виктор Петрович. Ценю.

— Отдыхай, — сказал он, направляясь к двери. — В понедельник поговорим о деталях. И постарайся не утонуть там на своей рыбалке — ты мне нужен живым и в форме.

Он кивнул и вышел, прикрыв за собой дверь так аккуратно, словно боялся спугнуть мою концентрацию.

Я вернулся к работе, хотя работы, по сути, почти не осталось.

Ещё час прошёл в тишине, нарушаемой только тиканьем настенных часов и гулом вентиляции. Письма, цифры, графики, финальные штрихи. Отправил итоговую сводку Виктору Петровичу с пометкой «неделя закрыта». Закрыл последний отчёт, сделал резервную копию важных файлов на облако — привычка, выработанная годами работы с ненадёжными компьютерами в начале карьеры.

Я посмотрел на часы. Восемнадцать ноль-ноль. Ровно шесть вечера.

«Пора».

Я выключил мониторы, дождался, пока они погаснут с тихим щелчком, взял пиджак с вешалки, запер кабинет на ключ, проверив дважды, что дверь действительно закрыта — ещё

одна привычка, выработанная после того случая, когда я оставил кабинет открытым и уборщица случайно пролила воду на важные документы.

Коридор был почти пустым, если не считать пары задержавшихся сотрудников, уткнувшихся в мониторы. Пятница, конец дня, нормальные люди уже давно разбежались — кто в бар, кто домой к семье, кто на дачу. Я спустился на первый этаж, прошёл через турникеты, которые щёлкнули, считав мою карточку, и вышел на улицу, где меня встретили влажный холодный воздух и запах мокрого асфальта.

Дождь не прекращался, превратив город в акварельную картину с размытыми контурами.

Я шёл к парковке неспешно, и с каждым шагом чувствовал, как офисное напряжение уходит из плеч, из спины, из головы, словно я снимал тяжёлый рюкзак после долгого похода. Контракты, цифры, переговоры, игры в корпоративную политику — всё это оставалось за спиной, в том стеклянном здании, которое уже скрылось за поворотом. Впереди была другая жизнь. Настоящая. Та, ради которой я, собственно, и работал в этом офисе.

Я дошёл до своего места на парковке. Седан стоял там, где я его оставил утром — чёрный BMW 5-й серии, всегда чистый, всегда в идеальном состоянии, потому что это был мой рабочий инструмент, моя визитная карточка на встречах с клиентами. Я открыл дверь, бросил пиджак на заднее сиденье, снял галстук, чёртов галстук, который душил меня весь день. Аккуратно свернул его, как учил меня отец, и положил на пассажирское кресло.

Потом закрыл дверь, не садясь внутрь.

И пошёл дальше, через два ряда машин.

Там, на самом краю парковки, где обычно никто не ставит машины из-за удалённости от входа, стоял он. Мой настоящий автомобиль. Пикап Ford F-150 Raptor — огромный, американский, тёмно-зелёный, с широкими грязевыми шинами и высоким клиренсом, позволяющим проехать там, где обычная машина застрянет по самые двери. К фаркопу был прицеплен катер — белый, с синей полосой по борту, метров пять длиной, идеального размера для одного рыбака и всего его снаряжения. На транце, чуть выцветшая от солнца и воды, но всё ещё читаемая, красовалась надпись «Bass Hunter». Охотник за басом.

Я положил ладонь на борт катера и хлопнул — звук получился гулкий, твёрдый, уверенный, как удар по барабану.

«Офис — это игра, — думал я, глядя на своё отражение в мокром пластике борта, где дождь оставлял длинные извилистые следы. — Хорошо оплачиваемая игра, безусловно. Игра, в которой я неплохо преуспел, судя по премиям и повышениям. Но всё равно игра — с правилами, которые кто-то придумал до меня, с ролями, которые мне навязали, с масками, которые приходится носить. А вот это — Я снова хлопнул по борту, чувствуя, как вибрация отдаётся в ладони, — это работа. Настоящая работа, где побеждает сильнейший, умнейший, терпеливейший. Где нет начальников, которые ничего не понимают в деле, но имеют право указывать. Где есть только ты, вода и рыба».

Я открыл дверь пикапа и сел внутрь.

Салон встретил меня запахом, который невозможно спутать ни с чем другим — запахом резиновых сапог, озёрной воды, чего-то едва уловимого, похожего на рыбу и водоросли, смешанного с ароматом машинного масла и застарелого кофе. На приборной панели валялись солнцезащитные очки в царапинах, которым было лет пять. Я их не менял: они были удобными и проверенными. На пассажирском сиденье лежала смятая водонепроницаемая карта глубин Финского залива, вся исписанная моими пометками — места, где я ловил трофеи, где видел косяки, где течение особенно коварное. Сзади, на заднем ряду, громоздились ящики с приманками, запасные катушки, термос — старый, советский, но держащий тепло лучше любого современного, свёрнутый дождевик и запасная пара сапог.

Я повернул ключ зажигания.

Двигатель взревел — мощно, с тем низким утробным басом, который невозможно спутать с жужжанием городских седанов. Это был рык хищника, звук, который вибрировал в груди, в костях, в самой душе, пробуждая что-то первобытное, древнее. Я усмехнулся, чувствуя, как по телу разливается предвкушение.

Достал телефон, открыл навигатор. Набрал знакомый адрес, который уже выучил наизусть, но всё равно вбивал каждый раз: «Финский залив. База Северный берег».

Маршрут проложился зеленой линией по экрану, петляя через город, выходя на трассу, уходя к воде. Два часа пути. Прибытие — двадцать ноль-один. Как раз к регистрации, с запасом минут в десять на непредвиденные задержки.

Я положил телефон в подстаканник, включил музыку — что-то инструментальное, без слов, спокойное. Не люблю слушать песни за рулём — они отвлекают. И выехал с парковки, чувствуя, как катер за спиной послушно следует за пикапом, чуть покачиваясь на сцепке.

Дождь барабанил по крыше с монотонной настойчивостью, в его шуме можно было раствориться. Дворники скрипели, сметая воду с лобового стекла широкими взмахами. Город плыл за окном, превращаясь в размытую картину — серые здания, мокрые тротуары, люди под зонтами, бегущие к метро, светофоры, отражающиеся в лужах красными и зелёными пятнами.

Международный турнир «Сутки на воде» — двадцать четыре часа непрерывной рыбалки. Старт в двадцать один ноль-ноль, когда уже почти совсем стемнеет. Призовой фонд — пятьдесят тысяч евро, которые достанутся тому, кто поймает больше всех по весу. Пятьдесят тысяч. Хорошие деньги, очень хорошие.

Но дело было не в них, и я прекрасно это понимал. Дело было в том, что я лучший. Я это знал, я это чувствовал, и теперь мне нужно было это доказать — не себе, не жене, не коллегам, которые считали мою рыбалку чудачеством. Доказать тем, кто понимает. Другим рыбакам. Профессионалам.

Покинув город, пикап набрал скорость, когда впереди открылась трасса — ровная, широкая, уходящая вдаль серой лентой между полями и перелесками. Дождь не ослабевал, превратившись в затяжную морось, которая может идти часами, днями, неделями. Небо было тяжёлым, свинцовым, давило сверху, словно хотело придавить всё живое к земле.

Я ехал и думал о турнире, прокручивая в голове стратегию, которую разработал за последние недели.

Двадцать четыре часа на воде. Без сна. Без отдыха. Только ты, лодка и рыба. Четыре контрольные точки — каждые шесть часов, где нужно подойти к судейскому катеру и показать улов. Пропустишь хотя бы одну — дисквалификация без права на апелляцию. Взвешивание строгое, профессиональное. Судьи проверяют каждую рыбу: размер, вес, вид, состояние. Если поймал что-то запрещённое — молодь, краснокнижный вид — штраф, вычитание баллов. Если пытался схитрить (кто-то в прошлом году пытался подложить в живорыбный садок рыбу, купленную в магазине) — вылет с позором и пожизненный бан на участие в турнирах этой серии.

Чистые правила. Честная борьба. Настоящее дело.

Мне это нравилось больше всего — эта прозрачность правил, эта невозможность скрыться за отговорками и оправданиями.

В офисе всё было по-другому, я это понимал каждый день всё отчётливее. Там люди хитрили не для победы, а для выживания. Врали, потому что система заставляла. Прятались за словами, за контрактами, за корпоративными улыбками, которые не доходили до глаз. Там побеждал тот, кто умел манипулировать, давить на нужные кнопки, выкручиваться из неудобных ситуаций, подставлять коллег, когда это выгодно, и притворяться другом, когда это необходимо.

А здесь здесь всё было просто, как в детстве, как в той жизни, которую я помнил до университета, до карьеры, до всей этой суеты.

Есть рыба — ты выиграл. Нет рыбы — проиграл.

Никаких отговорок. Никаких «форс-мажоров». Никаких оправданий типа «я старался, но обстоятельства», «погода подвела», «снасти были не те». Рыба или есть, или её нет. Ты либо лучший, либо нет.

Я свернул с трассы на грунтовку, и пикап загрохотал по ухабам, подпрыгивая на ямах, заставляя катер за спиной раскачиваться на сцепке. За окном замелькали деревья — сосны, ели, берёзы, всё мокрое от дождя, всё серо-зелёное в сумерках. Пахло хвоей и землёй, свежестью после дождя и чем-то ещё — близостью воды, которую я чувствовал, даже не видя её.

Ещё через десять минут, когда солнце уже почти скрылось за горизонтом, окрасив небо в тревожный красно-серый цвет, впереди показалась вода.

Финский залив.

Тёмный, широкий, бескрайний под низким небом. Волны шли мелкой рябью, и в сгущающихся сумерках они казались почти чёрными. Вдали, на расстоянии километра или двух, виднелись огни — база «Северный берег», которая в турнирные дни превращалась в маленький город рыбаков.

Я въехал на территорию базы и сразу попал в другой мир, в параллельную реальность, где действовали другие законы.

Шум, движение, жизнь, кипящая на каждом квадратном метре.

Десятки катеров стояли у причалов — от маленьких, метра четыре, на которых выходили любители, до здоровенных, под десять метров, настоящих плавучих баз с каютами и навигационным оборудованием на десятки тысяч евро. Ещё больше машин с трейлерами громоздились на парковке, создавая лабиринт из металла и резины. Люди сновали повсюду: кто-то проверял моторы, наклонившись над ними с фонариком, кто-то перебирал снасти, раскладывая приманки на капотах машин, кто-то просто стоял и курил, глядя на воду с отстранённым видом, который выдавал нервное ожидание старта. Пахло бензином, машинным маслом, рыбой и солёным ветром — запахом, который я узнал бы среди тысячи других.

Я нашёл место для парковки, не самое близкое, но достаточно удобное. Заглушил двигатель и вышел, сразу почувствовав, как ветер хватает за одежду.

Ветер ударил в лицо — холодный, влажный, солёный, пахнувший штормом и свободой. Я поднял воротник куртки, застегнул молнию до подбородка и огляделся, оценивая обстановку профессиональным взглядом.

Слева, метрах в тридцати — регистрационная палатка, белая, с огромным баннером, на котором красными буквами было написано: «ТУРНИР СУТКИ НА ВОДЕ — 2024». Справа — причалы, где толпились участники, обсуждая стратегии, хвастаясь снастями, строя прогнозы на погоду.

Я пошёл к палатке, не спеша, чувствуя, как земля под ногами приятно пружинит после асфальта.

За столом в палатке сидела девушка лет двадцати пяти, в ярко-оранжевом спасательном жилете с логотипом турнира. Увидев меня, она подняла голову от планшета и улыбнулась той профессиональной улыбкой, которая говорила, что она уже видела сегодня пару сотен рыбаков и готова увидеть ещё столько же:

— Добрый вечер! Регистрация на турнир?

— Да, — сказал я, подходя ближе и доставая водительские права для подтверждения личности. — Глеб Соколов, предварительная регистрация была через сайт.

Она проверила список на планшете, пробежавшись пальцем по экрану, кивнула удовлетворённо:

— Есть, вижу. Номер участника пятьдесят три. — Она протянула мне пластиковую карточку размером с кредитку с чипом и шнурком, на которой было написано крупными цифрами «53». — Это ваш идентификационный трекер. Крепите на катер в любом видимом месте — на транце обычно удобнее всего. Он будет передавать ваши координаты и данные в режиме

реального времени на судейский сервер. Судьи видят всё — где вы находитесь, как быстро движетесь, где делаете забросы. Это для безопасности и для контроля честности соревнований.

Я взял карточку, повертел в руках, оценил вес. Лёгкая, грамм тридцать максимум. Качество пластика — прочный, не хрупкий, защита от воды — герметичный корпус:

— Взвешивание каждые шесть часов у контрольной точки? — Я знал правила наизусть, но хотел услышать подтверждение.

— Совершенно верно, — кивнула она, поправляя волосы, которые растрепал ветер с залива. — Контрольные точки в три ноль-ноль, девять ноль-ноль и пятнадцать ноль-ноль. Судейский катер будет стоять на якорю в центральной точке залива — координаты у вас в приложении. Если пропустите хотя бы одну контрольную точку — дисквалификация без права на апелляцию. — Она посмотрела на меня серьёзно, улыбка сошла с её лица. — Без исключений. Даже если мотор сломается, даже если заболите, даже если начнётся шторм. Правила есть правила.

— Понял, — сказал я, пряча карточку во внутренний карман куртки. — Спасибо за инструктаж.

Регистратор пожелала мне удачи и уже переключилась на следующего участника, который стоял за мной в очереди с таким же нетерпеливым выражением лица.

Я вернулся к пикапу, чувствуя, как предстартовое напряжение начинает разливаться по телу — приятное, знакомое ощущение, которое я испытывал перед каждым турниром. Отцепил катер от фаркопа, проверив крепления дважды: привычка, выработанная после того случая, когда у одного из участников катер сорвался прямо на спуске. Завёл мотор пикапа и аккуратно, сантиметр за сантиметром, спустил катер по слипу — гладкому бетонному спуску, уходящему в воду под небольшим углом. Вода встретила катер всплеском. Волны сразу же начали плескаться о борта, раскачивая катер мерно и настойчиво, словно проверяя его на прочность.

Я закрепил идентификационный трекер под приборной консолью, убедившись, что он сидит плотно и не сорвётся при первой же большой волне. Проверил мотор — повернул ключ зажигания, нажал кнопку запуска и прислушался к звуку, который знал наизусть. Мотор завёлся с первого раза, заработал ровно, без перебоев, без того характерного трояния, которое обычно означало проблемы со свечами или топливом. Хороший, надёжный звук.

Начал загружать снаряжение методично, как всегда делал перед турнирами, проверяя каждую мелочь. Удилища — пять штук, разных длин и жёсткости, каждое под свой тип приманки и проводки: лёгкое для джига, среднее для воблеров, тяжёлое для джерков. Ящики с приманками: воблеры всех размеров и расцветок, от крошечных трёхсантиметровых до здоровенных пятнадцатисантиметровых монстров. Джиг-головки от четырёх до сорока граммов, блёсны вращающиеся и колеблющиеся, силиконовые твистеры и виброхвосты всех мыслимых цветов. Эхолот — последняя модель Garmin с боковым сканированием, которая обошлась мне в половину месячной зарплаты, но окупилась уже на втором турнире. Термос с кофе — два литра крепкого, горького, без сахара — топливо для длинной ночи. Дождевик: прогноз обещал переменную облачность, но я не верил прогнозам. Запасной аккумулятор для эхолота на случай, если основной сядет. Налобный фонарь с красным светом, чтобы не слепить себя ночью.

Всё, что нужно для двадцати четырёх часов войны с водой, рыбой и конкурентами.

Я посмотрел на часы — массивные, водонепроницаемые, с крупными светящимися стрелками. Двадцать пятьдесят. До старта оставалось десять минут, и эти минуты тянулись мучительно долго — время ожидания, когда всё уже готово, когда остаётся только сидеть и слушать, как нервы натягиваются, словно леска перед забросом.

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в тревожный грязно-розовый цвет, который обещал перемену погоды. Ветер заметно усилился по сравнению с тем, что был днём, принося с собой запах надвигающегося дождя. Флаги на причалах трепались на ветру, хлопая, как

паруса на старинных кораблях, создавая монотонный звуковой фон, под который можно было медитировать.

Я сел в катер, устроившись в кресле капитана так, чтобы найти наиболее удобное положение для долгих часов впереди. Откинулся на спинку, закрыл глаза и позволил себе погрузиться в то состояние сосредоточенного спокойствия, которое я всегда старался найти перед стартом.

«Двадцать четыре часа без сна, — думал я, чувствуя, как дыхание замедляется, становится глубже. — Это будет тяжело, очень тяжело. Тело будет требовать отдыха, глаза начнут слипаться, руки — дрожать от усталости. Но я готов. Я готовился к этому всю неделю — спал по девять часов, ел правильно, не пил алкоголь. Я готов».

Вокруг гудели голоса — возбуждённые, нервные, полные предвкушения. Кто-то смеялся, рассказывая анекдот. Кто-то ругался, обнаружив, что забыл дома важную приманку. Из чьей-то машины доносилась музыка — тяжёлый рок, который кому-то помогал настроиться на нужный лад. Пахло жареным мясом — кто-то разжёт мангал прямо на парковке и готовил шашлыки, превращая предстартовое ожидание в маленький пикник. Турнир ещё не начался, и люди расслаблялись, пользуясь последними минутами спокойствия.

А я просто сидел в своём катере и ждал, погружённый в себя, свои мысли, свою стратегию.

Ждал, когда взревёт сирена и начнётся то, ради чего я здесь.

И тогда начнётся настоящая работа.

Сирена взревела ровно в девять вечера, разорвав сумерки своим протяжным, почти животным воем, который, казалось, исходил не из динамиков, а из самой земли. Я открыл глаза — и в тот же миг мир вокруг меня взорвался движением, как будто кто-то нажал кнопку запуска гигантского механизма.

Десятки моторов завелись одновременно, создавая симфонию рёва, грохота и воя, которая заглушала всё остальное. Катера сорвались с места практически синхронно, ринувшись вперёд с такой яростью, словно это была гонка за жизнью. Волны начали биться друг о друга, создавая хаос на воде. Брызги летели во все стороны, оседая на лицах, одежде, стёклах приборов. Прожекторы десятков катеров резали сгустившуюся темноту белыми и жёлтыми лучами, выхватывая из мрака куски воды, носы других лодок, чужие лица — напряжённые, сосредоточенные, полные азарта.

Я не спешил, оставаясь на месте, когда как вся флотилия неслась мимо меня.

Сидел за штурвалом неподвижно, смотрел на экран эхолота, изучая рельеф дна по загруженной карте глубин. Я всегда готовился к турнирам заранее, изучая акваторию по спутниковым снимкам и батиметрическим данным. И терпеливо ждал, пока эта стартовая лихорадка утихнет, пока толпа рассеется, пока каждый найдёт свою точку или решит, что нашёл. Другие неслись к камышам — туда, где классические учебники по рыбалке советуют искать щуку и окуня, где все привыкли начинать, потому что это самое очевидное место, где ловят те, кто полагается на стереотипы, а не на понимание поведения рыбы. Я видел, как их огни уходят вправо, к мелководу, к зарослям, стягиваясь в одну светящуюся массу. Слышал, как их моторы режут на максимальных оборотах, перебивая друг друга, создавая гул, который, наверное, распугивает рыбу за километр.

«Идиоты, — подумал я без злобы, скорее с профессиональным сожалением, глядя на карту глубин, которую вывел на экран эхолота. — Ночью судак не стоит у камышей, как днём. Ночью он выходит кормиться на бровки, на мелководные столы, где днём было слишком светло и опасно. Они идут по дневной логике в ночную воду. Они идут не туда, куда нужно».

Я повернул штурвал влево, плавно и уверенно, и катер развернулся, послушно реагируя на моё движение. Я направил его в противоположную сторону от общей массы — туда, где эхолот показывал резкий свал глубины, ту самую классическую бровку, любимое место ночной

охоты судака. С четырёх метров дно резко уходило на десять, создавая своеобразную подводную стену, вдоль которой концентрировалась кормовая рыба, а за ней и хищник.

Вода была тёмной, почти чёрной, поглощающей свет. Неба не видно — только сплошная чернота, в которой невозможно различить, где заканчиваются облака и начинается космос. Ни луны, ни звёзд. Только свет моего прожектора, бьющий по воде узким лучом и превращающий всё остальное в непроглядную тьму.

Я шёл медленно, почти на холостом ходу, внимательно следя за экраном эхолота бокового обзора — дорогого устройства, которое позволяло мне видеть не только под лодкой, но и по бокам от неё, создавая трёхмерную картину подводного мира. Серые линии на экране складывались в понятную мне картинку дна: песчаные плато, каменистые гряды, корчи — затонувшие деревья, служившие укрытием для рыбы. И точки. Маленькие, плотные, светящиеся на экране, как звёзды на небе. Рыба.

«Вот, — подумал я, увидев плотное скопление отметок на глубине семь метров, прямо на той самой бровке, о которой я думал. — Крупные отметки, стоят плотной группой. Это не мелочь. Это они, судаки, вышли на охоту».

Я заглушил мотор, и тишина накрыла меня мгновенно, как тяжёлое одеяло.

Плеск воды о борт катера, который покачивался на мелкой волне. Далёкий, еле слышный гул чужих моторов где-то у камышей, доносящийся через воду, как воспоминание о шуме. Моё собственное дыхание и стук сердца, который постепенно замедлялся, входя в рабочий ритм.

Я взял удилище из держателя, выбрав спиннинг средней жёсткости — лёгкий, чувствительный, позволяющий ощущать каждое прикосновение приманки ко дну, каждый удар рыбы, даже самый осторожный. Привязал к плетённому шнуру джиг-головку весом двенадцать граммов, оптимальный вес для глубины семь метров и слабого течения, и насадил на крючок силиконовую приманку — твистер тёмно-зелёного цвета с мелкими золотистыми блёстками, которые ловят любой намёк на свет и превращают его в провоцирующие блики.

Забросил, выполняя привычное движение — взмах удилища, отпускание лески, полёт приманки через темноту.

Приманка упала в воду с тихим, почти нежным всплеском, который едва нарушил ночную тишину. Я начал считать секунды, отслеживая падение по натяжению лески, представляя в голове, как приманка планирует вниз сквозь толщу воды: раз два три четыре Стук — характерное ощущение, когда джиг-головка касается дна, передающееся через удилище прямо в руку.

Дно найдено. Семь метров. Точно по эхолоту.

Я начал проводку, используя классическую ступенчатую технику: два оборота катушки, приманка поднимается от дна; пауза три секунды, приманка падает обратно. Два оборота — пауза. Два оборота — пауза. Медленно, методично, позволяя приманке играть, позволяя хищнику заметить её, проследить за движением, принять решение.

Удар пришёл на пятой проводке.

Резкий, злой, как удар кулаком в живот.

Удилище согнулось мгновенно, превратившись в дугу под тяжестью рыбы на другом конце лески. Я почувствовал, как леска натянулась, вибрация прошла через удилище прямо в мои руки, в мои плечи.

— Есть, — сказал я вслух в пустоту, хотя меня никто не слышал, но мне нравилось проносить это слово — короткое, победное, констатирующее факт.

Я подсёк коротким, жёстким движением кисти вверх, фиксируя крючок в пасти рыбы, не давая ей возможности выплюнуть приманку. Рыба дёрнулась в ответ, пошла вниз мощным рывком, но я уже держал контроль. Катушка запела под нагрузкой, издавая тонкий, высокий звук фрикциона, который я настроил именно так, чтобы стравливать леску только при критической нагрузке. Я работал спокойно, применяя технику, отточенную годами: выбирал леску,

когда рыба слабела, ослаблял давление, когда она делала рывок, снова выбирал. Не спешил, не давил, не форсировал — просто методично забирал метр за метром, утомляя противника.

Через минуту, которая показалась вечностью, я завёл добычу в подсак — широкую сетчатую корзину на длинной ручке, которая позволяла безопасно взять даже крупную рыбу, не рискуя сорвать её у самого борта.

Судак. Килограмма на полтора, может, чуть больше. Тёмные вертикальные полосы по серебристым бокам. Красные плавники. Глаза, отражающие свет фонаря, как два зелёных огонька. Красивый, чистый, здоровый экземпляр.

Я аккуратно снял его с крючка, стараясь не повредить пасть. Это турнир, а не промысел, и рыба всё равно пойдёт на взвешивание, но мне не нравилось калечить её без необходимости. Опустил в садок — специальный сетчатый мешок, привязанный к борту длинной верёвкой и опущенный глубоко в воду, где рыба могла оставаться живой до самого взвешивания. Судак дёрнулся, почувствовав пространство, и ушёл на дно садка, успокаиваясь в темноте и прохладе.

Я посмотрел на часы, подсветив циферблат фонариком. Девять двадцать. Двадцать минут с момента старта.

«Хорошее начало, — подумал я, готовя удилище к следующему забросу. — Очень хорошее начало. Если так пойдёт всю ночь, у меня есть шансы».

Ночь тянулась с той особенной вязкой медлительностью, свойственной только длительным бессонным испытаниям, когда время перестаёт течь нормально и начинает то замедляться до полной остановки, то вдруг проскакивать целыми кусками.

Я ловил методично, с той же системностью, с какой работал в офисе, раскладывая сложные логистические цепочки: без суеты, без эмоций, без того азартного возбуждения, которое я видел у многих других рыбаков. Каждые полчаса проверял эхолот, анализируя изменения в поведении рыбы. Если косяк уходил с точки (а это случалось регулярно — рыба не стоит на месте, она постоянно перемещается в поисках корма), я менял позицию, используя знание акватории и логику поведения хищника. Если клёв затихал даже в присутствии рыбы под лодкой, это означало, что она сыта или напугана. Тогда я менял приманку, экспериментируя с размером, цветом, типом игры. Силикон заменял на воблер, когда нужна была более активная игра. Воблер менял на блесну, когда требовалась быстрая проводка. Блесну возвращал обратно на силикон, когда рыба требовала медленной, осторожной подачи.

Каждый час, точно по расписанию, пил кофе из термоса — горький, обжигающий, чёрный, как ночь вокруг меня, без сахара и молока: мне нужен был кофеин в чистом виде. Он обжигал горло, растекался по желудку жгучей волной, но через несколько минут приносил желанную ясность мысли, держал в тонусе, не давал провалиться в дрему, бороться с которой было все труднее.

Дождь зарядил около полуночи, когда на большинство участников уже накатила первая волна усталости. Мелкий, противный, косой ливень, который задувало ветром прямо в лицо. Я быстро натянул дождевик, который лежал под сиденьем, поднял капюшон и продолжал ловить, не давая дождю сбить ритм. Вода барабанила по ткани, стекала по лицу, попадала за воротник. Руки стали мокрыми, скользкими. Лицо покрылось каплями, все расплывалось в слепящей пелене дождя. Но останавливаться было нельзя — каждую минуту простоя использовали конкуренты.

К трём часам ночи, когда усталость уже по-настоящему давила на виски, а в глазах появилась резь от света эхолота и фонаря, у меня в садке было двенадцать судаков — неплохой результат для первой четверти турнира.

Я подошёл к первой контрольной точке — плавучей платформе, которая стояла на якоре в центре залива, залитая светом прожекторов, превращающих окружающую тьму в ярко освещённую сцену. На платформе стояли весы и сидели судьи в ярко-жёлтых спасательных жилетах, с планшетами в руках, фиксирующие каждое взвешивание. Я пришвартовался к плат-

форме и выгрузил садок на палубу, наблюдая, как судья методично перекладывает рыбу на весы, проверяя каждый экземпляр на соответствие правилам.

— Двенадцать килограммов ровно, — объявил он после взвешивания, записывая результат в планшет и показывая мне экран для подтверждения. — Второе место на данный момент. Немец впереди с небольшим отрывом. У него четырнадцать килограммов.

Я кивнул молча, принимая информацию без эмоций, как данность. Опустил садок обратно в воду, развернул катер и ушёл обратно на свои точки, чувствуя, как усталость начинает превращаться в тупую, давящую боль в затылке.

«Два килограмма отставания, — думал я, возвращаясь к бровке, где оставил косяк. — Это не критично. Два килограмма — это одна крупная рыба весом в два кило, или три средних по семьсот граммов. У меня впереди ещё восемнадцать часов, и всё может измениться десять раз».

Солнце поднималось медленно, нехотя, словно не хотело вылезать из-за горизонта в такую погоду. Небо окрасилось сначала в грязно-розовый цвет, потом потускнело до серого, унылого. Вода, которая ночью была чёрной и таинственной, стала видимой — тусклой, свинцовой, рябой от ветра.

Дождь кончился, оставив после себя мокрую, холодную реальность. Но ветер к утру только усилился. Он продолжал трепать воду, создавая волны, которые раскачивали катер и затрудняли проводку.

Я чувствовал усталость всем телом — она сидела в плечах, натруженных постоянными забросами; в шее, затёкшей от неудобной позы; в глазах, которые резало от недосыпа и постоянного напряжения. Веки стали тяжёлыми, как свинцовые гири. Руки затекали, пальцы плохо слушались, иногда промахиваясь мимо рукоятки катушки. Спина ныла от долгого сидения в одной позе. Но останавливаться было нельзя, немыслимо, невозможно — это было бы предательством самого себя, всей подготовки, всех усилий, которые я вложил в этот турнир.

Я продолжал менять приманки, пробовал разные техники проводки — от агрессивной быстрой до медленной, волочащейся по дну. Облавливал новые точки, используя карту глубин и свой опыт: бровки, перепады глубин, ямы, глубокие впадины, где рыба отдыхает, коряжники, затонувшие деревья, создающие укрытия. Ловил, ловил, ловил, превращая процесс в медитацию, в транс, в состояние, когда мозг отключается от всего лишнего и работает только на одну задачу.

К девяти утра, через двенадцать часов с начала турнира, у меня в садке было тридцать три килограмма рыбы — результат половины марафона, половины пути к финишу.

Я снова подошёл к контрольной точке для второго взвешивания, чувствуя, как тело перестаёт слушаться команд. Взвесил улов под внимательными взглядами судей.

Судья, тот же самый, что и ночью, посмотрел в планшет, сравнивая результаты:

— Тридцать три килограмма. Хороший темп, но всё ещё второе место. Немец держит лидерство — у него тридцать четыре с половиной килограмма. Отрыв сократился, но он впереди.

Я кивнул, не тратя силы на слова, и снова развернул катер, уходя обратно на воду.

«Всё равно мало, — думал я, чувствуя, как разочарование начинает подтачивать уверенность. — Темп хороший, но его недостаточно. Если я буду просто набирать по полкило в час, я приду вторым. Мне нужен трофей. Одна крупная рыба — щука на пять-восемь килограммов или судак-монстр, которая одним махом перевесит весь отрыв и даст мне преимущество».

Но где её искать? Где прячется та самая трофейная рыба, которая решит исход турнира?

День тянулся бесконечно, превращаясь в пытку. Ветер продолжал трепать воду, создавая условия, при которых ловля превращалась в борьбу не только с рыбой, но и со стихией. Волны били в борт катера с монотонной настойчивостью. Катер качало так, что иногда приходилось держаться за поручни, чтобы не вылететь за борт.

Я продолжал работать как автомат. Менял точки, когда рыба уходила. Менял приманки, когда клёв затихал. Снова ловил, снова взвешивал каждую рыбу в руке, прикидывая, сколько она добавит к общему весу.

К шести вечера у меня было сорок пять килограммов.

К восьми — пятьдесят два.

Немец всё ещё лидировал с результатом пятьдесят три килограмма.

Время утекало сквозь пальцы, как вода, как песок, неумолимо приближая конец турнира, и я чувствовал, как шансы на победу тают с каждым часом.

Восемь пятьдесят вечера. Двадцать часов пятьдесят минут.

До финиша турнира оставалось ровно десять минут — десять минут, которые могут решить всё.

Я сидел на глубокой яме, которую нашёл случайно, следуя за стаей чаек. Они обычно указывают на скопление кормовой рыбы, а где кормовая рыба — там и хищник. Глубина двенадцать метров, дно ровное, каменистое. Смотрел на экран эхолота с отчаянием человека, который понимает, что время истекает, а чуда не происходит. Эхолот молчал, показывая пустое безжизненное дно. Экран рисовал серую линию дна — ровную, монотонную, без единой отметки рыбы. Ни точек, ни пятен, ни признаков жизни.

«Рыба ушла отсюда, — думал я, вглядываясь в экран так пристально, словно мог силой воли заставить там появиться нужные мне отметки. — Все косяки ушли. Давление падает. Я чувствовал это по тому, как ломило виски. Температура воды снижается. Перед дождём, перед сменой погоды рыба всегда меняет поведение — уходит на мель, перестаёт кормиться, становится пассивной. Я опоздал. Я выбрал не то место».

Но что-то меня держало здесь, на этой яме, не давая уйти на другие точки. Какое-то внутреннее чувство, интуиция рыбака, которая нарабатывается годами проб и ошибок и которую невозможно объяснить логикой.

Я продолжал смотреть на экран эхолота, перестраивая его настройки, меняя частоту сканирования, чувствительность, пытаясь выжать из прибора максимум информации. И вдруг я заметил нечто, что раньше принимал за помеху.

Не рыбу. Не дно. Слой.

Тонкая, едва заметная линия на глубине семь метров, которая шла параллельно дну. Это была не донная структура, не камни, не коряга. Это был термоклин — граница между слоями воды разной температуры, невидимая глазу, но отчётливо видимая на эхолоте. Тёплая вода сверху, холодная снизу, и между ними — эта тонкая граница.

И под этой линией, если присмотреться очень внимательно, можно было разглядеть облако. Не сплошное, плотное, а рассеянное, размытое, как туман. Мелкая рыба — ряпушка, корюшка, другая кормовая мелочь, которая собирается на термоклинах, потому что там концентрируется планктон.

«Они не на дне, — понял я с такой внезапной ясностью, что даже перехватило дыхание. — Хищник не будет стоять на дне на глубине двенадцать метров, если вся еда находится в пяти метрах над ним. Он стоит под этим облаком кормовой рыбы, прямо под термоклинном, прячется в холодной воде, откуда может сделать бросок вверх. Он невидим для эхолота, потому что его отметки смешиваются с отметками кормовой рыбы. Он там. Я знаю, он там».

Я схватил удилище — не лёгкое спиннинговое, а тяжёлое джерковое, предназначенное для больших приманок и крупной рыбы. Привязал к шнуру джиг-головку весом тридцать граммов — тяжёлую, как небольшой камень, и большой силиконовый твистер размером почти с мою ладонь, ярко-жёлтый с красным хвостом — комбинация, которая хорошо работает в сумерках.

Вертикальный сброс — техника, которую я использовал редко, но именно она идеально подходила для этой ситуации.

Я встал с кресла, чувствуя, как затёкшие мышцы протестуют против движения. Поднял удилище над головой обеими руками, прицелился и бросил приманку прямо вниз, за борт катера.

Она пошла вниз сквозь толщу воды, которую я представлял в голове по картинке эхолота: сквозь тёплый верхний слой, сквозь термоклин, ту самую тонкую линию, сквозь облако ряпушки, которое должно было расступиться перед тяжёлой приманкой, дальше вниз к тому месту, где, как я был уверен, стоял хищник.

Я считал секунды падения, представляя траекторию движения приманки.

Раз два три четы

Удар.

Это был не просто удар, какие я чувствовал за эту ночь и день сотни раз. Это был взрыв, детонация, катаклизм.

Удилище согнулось так резко и так сильно, что я услышал треск — бланк трещал под нагрузкой, грозя сломаться пополам. Катюшка завизжала фрикционом на таких оборотах, что звук превратился в сплошной вой. Леска резала воду со свистом, натянутая как струна, вибрируя от напряжения.

— Есть! — выдохнул я сквозь зубы, чувствуя, как адреналин обжигает кровь, прогоняя усталость последних двадцати трёх часов.

Это была не просто рыба. Это был зверь, монстр, трофей, о котором мечтает каждый рыбак.

Щука пошла вниз — яростно, мощно, делая рывки такой силы, что мне приходилось упираться ногами в пол катера, чтобы не вылететь за борт. Я не форсировал вываживание, не давил на леску, не пытался силой вытащить её наверх, потому что знал из опыта: при такой нагрузке даже прочная плетёная леска может лопнуть, как нитка, оборвавшись в самый неподходящий момент. Я работал удилищем терпеливо и методично, гасил каждый рывок, выбирал по сантиметру, давая рыбе устать, выбиться из сил, сдаться.

Две минуты вываживания, которые показались часом. Три минуты. Четыре минуты, на которых я уже думал, что руки не выдержат.

Руки горели от напряжения, мышцы наливались свинцом. Спина ныла так, что каждое движение отдавалось острой болью. Пот лился по лицу ручьями, заливал глаза, мешал видеть, смешивался с брызгами воды.

Но я держал, не отпуская, не ослабляя хватку ни на секунду.

Рыба показалась на поверхности воды, разрывая её в фонтане брызг.

Огромная. Невероятно огромная для этих вод. Тёмная, почти чёрная, с зеленоватым отливом на спине. С жёлтыми глазами, горящими злобой и яростью. Щука-мамка, матёрая хищница, которая прожила в этой воде не один год. Килограммов на восемь, а может быть, и больше — на глаз было трудно определить точно.

Я завёл её в подсак с первого раза, выполнив широкое, уверенное движение, отработанное тысячами повторений. Поднял подсак из воды, и тяжесть рыбы оттянула мои натруженные руки так, что я едва удержал равновесие.

Быстрым движением посмотрел на часы, хотя и так знал, который час.

Двадцать пятьдесят восемь. Двадцать часов пятьдесят восемь минут.

До финиша турнира оставалось ровно две минуты.

Я бросил подсак с рыбой на дно катера, не церемонясь и не заботясь о сохранности улова. Она всё равно пойдёт на взвешивание, а не обратно в воду. Рванул мотор на полную мощность, выкручивая рукоятку газа до упора. Катер взревел мотором, поднимая облако брызг, и понёсся к контрольной точке с максимальной скоростью, на которую был способен. Ветер бил в лицо так, что невозможно было дышать. Вода летела брызгами, заливая палубу, одежду, лицо. Я

видел огни судейской платформы впереди — яркие, белые, манящие, как маяк для корабля в шторм.

Я успел.

За десять секунд до того, как взревела финальная сирена.

На платформе меня встретили аплодисментами — громкими, искренними, такими, какие заслуживает человек, прошедший через двадцать четыре часа без сна и победивший.

Главный судья, седой мужчина в жёлтом жилете с нашивкой «Chief Judge», подошёл к моему катеру, заглянул в подсак и присвистнул — низко, уважительно. Поднял шуку из подсака, бережно, как священную реликвию, обеими руками — она была настолько тяжёлой, что одной рукой её было не удержать, и положил на электронные весы на центральном столе платформы. Посмотрел на цифровой дисплей, на котором загорелись светящиеся красные цифры. Глаза его округлились от удивления.

— Восемь килограммов триста граммов! — объявил он громко, чтобы слышали все присутствующие на платформе и в соседних катерах. — Общий вес улова участника номер пятьдесят три — Он нажал кнопку на планшете, суммируя результаты всех четырёх взвешиваний. — Шестьдесят килограммов триста граммов!

Толпа на платформе и в окружающих катерах взорвалась криками восторга и поздравлениями. Кто-то свистнул пронзительно. Кто-то захлопал в ладоши. Кто-то просто кричал «Ура!», радуясь зрелищу.

Судья поднял руку, требуя тишины, дожидаясь, пока гул стихнет:

— Господа! Это не просто победный результат. — Он сделал театральную паузу, наслаждаясь моментом. — Это новый абсолютный рекорд турнира «Сутки на воде» за всю историю его проведения!

Мои ноги стали ватными, тело отказывалось слушаться. Я стоял у поручня платформы, держась за него рукой, чтобы не упасть, и просто дышал. Тяжело, глубоко, ртом, как после долгого бега. Усталость наваливалась на меня теперь всей своей массой, как тяжёлый мокрый тулуп, под которым невозможно двигаться.

Немец — высокий парень лет тридцати пяти в красной куртке Gore-Tex, который лидировал почти весь турнир — стоял рядом, облокотившись на перила. Смотрел на шуку, которая всё ещё лежала на весах, и качал головой в немом изумлении. Потом повернулся ко мне, и на его лице была не злость проигравшего, а искреннее уважение профессионала к профессионалу:

— Где ты её нашёл? — спросил он с лёгким акцентом, но вполне понятно. — Я облавливал все известные точки. Все! И ничего подобного не видел.

Я пожал плечами, слишком уставший, чтобы вдаваться в подробности:

— Там, где никто не искал. Под термоклинком, на глубине.

Он усмехнулся, и в этой усмешке были и восхищение, и лёгкая зависть:

— Ты чёртов везунчик.

— Дело не в везении, — сказал я, глядя ему в глаза. — Дело в том, что я знал, где искать.

Мне вручили кубок под вспышки фотокамер и аплодисменты. Тяжёлый, килограмма на три, не меньше, металлический, холодный на ощупь, несмотря на тёплый вечер. На нём была выгравирована надпись золотыми буквами по отполированной поверхности: «ТУРНИР СУТКИ НА ВОДЕ — 2024. ПОБЕДИТЕЛЬ».

Вспышки фотокамер били в глаза с разных сторон, ослепляя так, что приходилось щуриться. Люди жали мне руку одна за другой, хлопали по плечу, кричали поздравления, спрашивали о технике, о приманках, о точках. Я улыбался — устало, но искренне, чувствуя, как удовлетворение разливается по телу, смешиваясь с усталостью.

«Я снова доказал, что я лучший, — думал я, глядя на свое отражение в отполированной поверхности кубка. — Доказал не словами, а делом. Доказал тем, кто понимает. Снова».

Но усталость накрывала меня всё сильнее, превращаясь из фонового ощущения в нечто доминирующее, всепоглощающее. Я не спал со вчерашнего утра — прошёл через весь рабочий день с переговорами, через дорогу на турнир и двадцать четыре часа непрерывной рыбалки. Больше сорока часов на одном только кофе и адреналине. Руки тряслись мелкой дрожью, которую я уже не мог контролировать. Ноги стали ватными, подкашивались при каждом шаге. Голова гудела, как улей. В глазах плыло, картинка двоилась.

Немец протянул мне руку для финального рукопожатия:

— Поздравляю. Заслуженная победа. Действительно заслуженная.

Я пожал его руку, чувствуя сильное, крепкое рукопожатие профессионала:

— Спасибо. Ты тоже был силён. В следующий раз, возможно, повезёт тебе.

Я сошёл с платформы, осторожно перешагивая с неё в свой катер, который покачивался на волнах. Вернулся на своё место. Начал методично укладывать снаряжение, сматывать лески, убирать приманки — выполняя привычные действия на автопилоте, не думая. Вывел катер к берегу, поднял его на трейлер, используя лебёдку. Закрепил крепления, проверив каждое дважды. Загрузил всё оборудование в пикап.

Поехал домой, чувствуя, как с каждым километром усталость становится всё тяжелее.

Ночное шоссе было пустым, словно после апокалипсиса — ни одной машины впереди, ни одной в зеркалах заднего вида. Только я, пикап, катер на трейлере и бесконечная дорога. Фары пикапа резали темноту двумя жёлтыми лучами, высвечивая мокрый асфальт. Недавно прошёл дождь, оставив после себя лужи, белую разметку, отбойники, которые мелькали за окном с монотонной регулярностью. Вскоре он начался снова, сильнее, чем утром. Капли барабанили по крыше пикапа, по капоту, по лобовому стеклу с такой силой, что казалось, будто кто-то сверху сыплет горох. Дворники скрипели, работая на максимальной скорости, но едва справлялись, оставляя на стекле мутные разводы, сквозь которые дорога была едва видна.

Я вёл машину медленно, осторожно, держа скорость на десять километров ниже разрешённой. Пикап тащил за собой трейлер с катером — тяжёлый, под тонну весом, неповоротливый груз, который на мокрой дороге превращал любой манёвр в потенциально опасное действие. Нельзя было резко тормозить — трейлер мог пойти юзом и развернуть машину, нельзя было резко поворачивать — катер на трейлере мог опрокинуться, нельзя было рисковать.

На пассажирском сиденье лежал кубок, который я не стал убирать в багажник. Он покачивался на поворотах, постукивая металлом о пластик торпеды, создавая лёгкий мелодичный звук. Металл поблёскивал в свете приборной панели, отражая зеленоватое свечение лампочек.

«Хорошие выходные, — думал я, глядя на дорогу сквозь пелену дождя, но видя не асфальт, а прошедшие два дня в ретроспективе. — Очень хорошие выходные. Сделка с норвежцами на восемьдесят тонн груза закрыта. Премия от Виктора Петровича обещана. Турнир выигран с новым рекордом. Трофей — дома. Завтра весь день буду отсыпаться, отключив телефон. Может быть, в понедельник возьму отгул, съезжу на дачу, порыбачу спокойно, без гонки, без турнирного стресса, просто для души».

Я зевнул — широко, до хруста в челюсти. Усталость давила на веки так, что они буквально слипались, как будто кто-то привязал к ним грузы. Глаза слипались каждые несколько секунд. Я моргнул — раз, второй, третий. Резко тряс головой, прогоняя дрему, которая подкрадывалась всё настойчивее. Открывал окно, впуская внутрь холодный влажный воздух, который должен был взбодрить, но помогал всё меньше.

«Ещё час, — думал я, глядя на навигатор, который показывал оставшееся расстояние. — Максимум час до дома. Я потерплю. Я должен потерпеть. Заснуть за рулём с трейлером — это смерть».

На заднем плане тихо играло радио — какая-то ночная программа на одной из FM-станций. Голос ведущего был монотонным, убаюкивающим: он рассказывал что-то про старые рок-

композиции. Я потянулся к кнопке переключения станций, чтобы найти что-то более бодрое, ритмичное — рок, металл, что-то с быстрым темпом, чтобы удержаться в тонусе.

Опустил взгляд на панель управления магнитолой на секунду — всего на одну секунду.

Нажал кнопку поиска станций.

Поднял глаза обратно на дорогу.

И увидел огни.

Слепящие, яркие, огромные, заполняющие всё лобовое стекло.

Прямо передо мной, на расстоянии, которое мозг не успел даже оценить.

Фура.

Она лежала поперёк дороги, перекрывая обе полосы полностью, превратив шоссе в тупик — огромная, белая, с красными габаритными огнями, которые горели, как глаза чудовища. Её занесло на мокром асфальте (водитель, видимо, не справился с управлением), и теперь она лежала боком, как огромная мёртвая рыба, вытасченная на берег. Полностью перекрыв проезжую часть. Как стена. Непреодолимая стена из металла.

«Тормо»

Я не успел даже договорить мысль.

Ударил по педали тормоза всем весом, со всей силы, на которую были способны мои уставшие ноги.

Пикап пошёл юзом по мокрому асфальту, и я услышал визг тормозных колодок — пронзительный, высокий, как крик. Запах горелой резины ударил в нос, едкий и удушливый. Катер на трейлере дёрнулся вперёд под действием инерции, толкая пикап, превращая торможение в скольжение. Я вывернул руль вправо резко, до упора, пытаюсь уйти хотя бы на обочину. Пикап пошёл боком, занесло, колёса потеряли сцепление с дорогой.

Не помогло. Слишком поздно. Слишком быстро. Слишком мокро.

Удар.

Оглушительный, как взрыв динамита в замкнутом пространстве.

Металл ломался, рвался, скрежетал с таким звуком, который невозможно забыть. Стекло взрывалось на тысячи осколков, которые полетели во все стороны. Я летел вперёд, хотя сидел на месте — инерция толкала моё тело к лобовому стеклу. Ремень безопасности впился в грудь, в плечо, так, что я почувствовал, как ломаются рёбра, и душил, перекрыв дыхание. Подушка безопасности взорвалась мне в лицо — жёсткая, как камень, как удар кулаком в нос.

Боль.

Взорвалась в груди, голове, руках, которые ударились о руль, везде сразу, заполняя всё сознание.

Потом тьма поглотила меня, быстро и безжалостно.

Темнота.

Полная, абсолютная, непроглядная, какой не бывает даже ночью.

Я не видел ничего — ни света, ни теней, ни форм. Не слышал ничего — ни звуков, ни голосов, ни шума. Не чувствовал ничего — ни тела, ни веса, ни температуры. Только пустота, которая заполняла всё пространство сознания.

«больно»

Глава 2

Первая мысль пришла откуда-то издалека, извне, как эхо в огромной пещере, слабое, размытое, едва различимое.

«Голова болит Всё болит Я жив?»

Я попытался пошевелиться, подать сигнал телу, заставить его отреагировать на команду. Не получилось. Тело не отвечало, не слушалось, словно его вообще не существовало.

«Авария Фура Я врезался Скорая Больница»

Память возвращалась обрывками, фрагментами, как плохо смонтированный фильм. Огни фуры. Визг тормозов. Удар в грудь. Боль. Тьма.

«Я жив. Раз я думаю — значит, я жив. Больница? Реанимация? Кома?»

Но что-то было не так. Что-то фундаментально, жутко не так.

«Холодно. Почему так холодно? Если я в больнице, там должно быть тепло. А здесь здесь ледяной холод, который пробирает до костей».

Я собрал всю волю, которая у меня оставалась, и попытался открыть глаза. Веки не слушались, словно их залили свинцом и прибили гвоздями к черепу. Я напрягся изо всех сил, заставляя мышцы работать.

Свет.

Тусклый, серый, мутный, как взгляд сквозь грязное стекло.

Я моргнул с трудом. Снова. Картинка становилась чётче с каждым морганием, медленно, мучительно медленно.

«Это не больница. Это не палата. Это не реанимация».

Я видел дерево — грубое, потемневшее от воды и времени, с торчащими сучками. Деревянные борта, обшитые досками, которые прилегали друг к другу неровно, оставляя щели. Запах сырости, плесени, гнили.

«Лодка? Я в лодке?»

Паника кольнула меня — острая, ледяная, как удар ножом под рёбра.

Я попытался пошевелить руками, чтобы схватиться за борт, подняться, понять, что происходит.

Не получилось.

Руки были за спиной, связаны. Что-то грубое, жёсткое впивалось в запястья, резало кожу при каждом движении.

«Верёвка. Меня связали. Кто-то связал мне руки».

Я дёрнулся рефлекторно, пытаюсь разорвать верёвку. Верёвка врезалась сильнее, до крови, но не поддалась ни на миллиметр. Я попытался сесть, опираясь на локти, и почувствовал воду.

Холодную.

Ледяную.

Она хлестала у щиколоток, плескалась на дне лодки, создавая мокрый, хлюпающий звук. Я посмотрел вниз, заставив глаза сфокусироваться, и увидел чёрную щель в днище лодки, из которой сочилась вода тонкой, но постоянной струйкой.

Лодка тонет. Я связан. Я в тонущей лодке с связанными руками.

Я снова дёрнулся — резко, яростно, отчаянно, используя всю силу, какая у меня была. Верёвка не поддавалась, врезаясь в кожу еще глубже, и я почувствовал, как что-то тёплое течёт по ладоням.

Кровь.

«Где я?! ЧТО ПРОИСХОДИТ?!»

Я поднял голову, преодолевая боль в шее, и огляделся, пытаюсь понять, где я нахожусь.

Вокруг была вода.

Тёмная, широкая, быстрая река, которая тянулась во все стороны до самого горизонта. Туман стелился по поверхности воды плотным белым покрывалом, скрывая берега, превращая мир в серое, размытое ничто. Вдали — очень далеко, почти на пределе видимости — виднелись крошечные огоньки. Может быть, деревня. Может быть, костры. Может быть, галлюцинация.

Холодный влажный ветер дул в лицо —, он принёс запах ила, гнили, мокрой древесины и чего-то ещё. Я не мог определить, чего именно, но это вызывало инстинктивный страх.

Я попытался крикнуть, позвать на помощь, привлечь чьё-то внимание.

Горло было сухое, как пустыня. Вместо крика вышел хрип — жалкий, сдавленный, который не долетел даже до ближайшего берега.

«Помогите Кто-нибудь»

Никто не ответил.

Только ветер, который унёс мой крик в пустоту, плеск воды о борта лодки и тишина, которая была громче любого звука.

«Это сон, — думал я, пытаюсь найти логическое объяснение происходящему. — Это должен быть сон. Кошмар. Авария. Я в коме. Мозг создаёт галлюцинации. Сейчас я проснусь в больнице, и всё будет нормально».

Но холод был слишком реальным, слишком осязаемым. Вода — слишком мокрой. Верёвка — слишком жёсткой. Боль в запястьях — слишком острой.

«Это не сон. Это реальность. Какая-то невозможная, безумная, но реальность».

И тут я почувствовал нечто, что заставило меня забыть обо всём остальном.

Руки.

Я чувствовал, как верёвка впивается в кожу, как запястья трутся друг о друга за спиной в попытках освободиться. И в этот момент мой мозг зафиксировал деталь, которая не укладывалась в сознание.

Странную. Невозможную. Ужасающую.

Запястья были тонкие.

Я почувствовал это сквозь боль, сквозь панику, сквозь шок. Почувствовал, как кости трутся — острые, выпирающие под тонкой кожей. Как кожа натянута туго, без слоя мышц, без жира, без той массы, которая должна быть у взрослого мужчины.

«Что»

Я был сильным человеком. Мне тридцать лет. Тренажёрный зал три раза в неделю минимум. Гребля, подтягивания, жимы. Мои руки могли часами удерживать удилище с десятикилограммовой рыбой, затащить катер весом в тонну на трейлер, порвать обычную верёвку, если приложить усилие.

Но эти руки

Эти руки не могли.

Они были слабыми, тонкими, костлявыми, как руки подростка, который ещё не набрал мышечную массу.

«Это не мои руки. ЭТО НЕ МОИ РУКИ!»

Паника грозила поглотить меня полностью, затопить разум, превратить в визжащее животное. Но сквозь неё, сквозь этот ужас пробилась другая мысль — чёткая, знакомая. Мысль Глеба-Логиста, который даже в кризисе искал решение.

«Руки связаны. Лодка тонет. Перекат впереди — я слышу его рёв. Три проблемы. Решаю по приоритету. Первое — освободить руки, иначе всё остальное не имеет смысла».

Я заставил себя перестать дёргаться в бесполезной панике и подумать рационально, методично. Это рыбацкая лодка — старая, примитивная, захламлённая. В таких лодках всегда валяется инструмент, обломки снастей, мусор. Нож. Острый камень. Железка с краем. Что-то, чем можно резать.

«Найти. Ногами».

Я начал шарить босыми ногами по дну лодки, покрытому ледяной водой, вязким илом и каким-то мокрым хламом. Пальцы ног натыкались на разный мусор: что-то скользкое, что-то мягкое и противное, камни, щепки

Металл.

Моя пятка зацепила что-то тяжёлое, остроугольное, совершенно не похожее на всё остальное.

«Нож. Или что-то подобное. Это моя единственная надежда».

Я попытался подтянуть его ближе к себе, зажав между пальцами ног, но металл был скользким от воды и ила, выскальзывал снова и снова. Лодка качалась, мешая. Вода прибывала.

«Не паниковать. Методично».

Я развернулся всем телом, игнорируя острую пульсирующую боль в затылке, и сел спиной к тому месту, где лежал нож, прижав его весом своего тела к борту лодки.

Нашарил его связанными за спиной руками. Схватил, осторожно, стараясь не порезаться. Почувствовал под пальцами холодный металл — что-то длинное, узкое, без рукояти. Только голый хвостовик и лезвие. Поверхность была шершавой, неровной, покрытой какими-то наростами и выбоинами.

«Ржавчина. Старый нож, который долго валялся в воде. Но лезвие есть — я чувствую край».

Я осторожно провёл пальцем вдоль кромки и почувствовал острое покалывание.

Острый. Достаточно острый, чтобы резать.

Ржавое лезвие режет даже лучше, чем гладкое, — работает как пила.

Я зажал хвостовик ножа между ладоней и начал пилить верёвку на запястьях, работая короткими, быстрыми движениями. Это было мучительно медленно и неудобно. Руки дрожали от холода и напряжения. Нож постоянно соскальзывал с мокрой верёвки. Я резал не только пеньку, но и собственные запястья, чувствуя, как свежая кровь смешивается со старой, течёт по пальцам, делая их ещё более скользкими.

Лодка резко качнулась — сильнее, чем раньше. Течение ускорялось. Гул переката нарастал, превращаясь из далёкого в близкий.

«Быстрее. У меня нет времени. Быстрее!»

Я пилил с отчаянием, вкладывая в движения всю силу, какая была в этих чужих, слабых руках.

Хруст. Одна прядь верёвки поддалась, лопнула.

Я дёрнул руками изо всех сил — и верёвка окончательно разошлась, рассыпалась на отдельные нити.

Свободен!

Я выбросил нож на дно лодки, где он исчез в воде, и схватился за борт окровавленными, дрожащими руками, пытаюсь удержать равновесие в качающейся лодке.

Посмотрел вперёд.

Перекат был уже совсем близко — метрах в тридцати, не больше. Белая пена взрывалась на камнях. Рёв воды был оглушающим.

Река несла меня прямо в пасть смерти.

Быстро. Всё быстрее.

Я сидел на дне, руки всё ещё дрожали после борьбы с верёвкой, запястья горели огнём, но это было неважно. Важно было другое: я был свободен, но совершенно беспомощен.

Лодка без вёсел — просто корыто, игрушка в руках реки. Течение подхватило её и несло вниз по стремнине, вращая, швыряя, как щепку. Борта скрипели. Вода хлестала внутрь через шов в днище — уже не по щиколотку, а по икры. Холодная. Безжалостная.

Я вцепился в борт и попытался сориентироваться.

Берега мелькали по бокам — тёмные, размытые в предрассветной мгле. Деревья. Кусты. Высокий яр справа. Всё проносилось мимо с невозможной скоростью.

И впереди — звук.

Сначала я его почти не слышал за стуком сердца и шумом воды в ушах. Но с каждой секундой зловещий звук становился громче и отчётливее.

Гул.

Низкий, нарастающий, как далёкий раскат грома, но непрерывный. Гул, который исходил не с неба, а из самой реки, из воды, из камней на дне.

Память — чужая, но доступная, как открытый файл, подсказала название: Перекат Чёртов.

И вместе с названием пришёл страх. Глубокий, животный, древний страх, записанный в генах этого тела, в памяти мальчишки, который вырос на этой реке и слышал истории.

Перекат, где вода бьётся о камни. Где лодки ломаются, как спички. Где люди тонут, засасываемые водоворотами. Где река убивает.

Гул нарастал, превращаясь в рёв.

«Нет, — пронеслась мысль, и она одновременно принадлежала и сегодняшнему Глебу, и подростку, была одним голосом паники. — Нет, нет, нет»

Я вспомнил аварию. Вспомнил фуру, в которую я летел. Вспомнил удар. Вспомнил темноту.

«Я умер, умер там, на той дороге. Я умер и проснулся здесь. И теперь теперь я умру снова? Сразу? Даже не поняв, что произошло? Даже не узнав, где я? Почему я здесь?»

Паника сжала горло, но вместе с ней пришла ярость — отчаянная ярость Глеба-Логиста, который не привык сдаваться.

«НЕТ! Я не позволю! Я не умру, даже не попытавшись!»

Я вспомнил турнир. Вспомнил своё место в финале. Вспомнил, как я изучал карты глубин, анализировал структуру дна, находил точки, где стоит рыба.

«Если бы я мог видеть дно, — пронеслась отчаянная мысль. — Если бы у меня был мой эхолот, я бы увидел камни, увидел путь, нашёл бы проход»

Эхолота не было. Не было ничего, кроме лодки, воды и моих голых рук.

Но желание — отчаянное, звериное желание выжить, увидеть, понять — было.

И в этот момент что-то в моей голове щёлкнуло.

Боль взорвалась в черепе с такой силой, что я закричал — беззвучно, потому что воздуха не хватало на крик. Это было не продолжение боли от удара по затылку. Это было что-то новое, острое, пронзительное, как будто в мой мозг воткнули раскалённую спицу и начали крутить.

Я задержал дыхание — инстинктивно, не понимая зачем.

И мир изменился.

Дно реки проступило передо мной, как серая карта, где-то в затылке, в костях. Я чувствовал каждый провал, каждую отмель, каждый камень. А по мелководью, вдоль левого берега, пылила серебряная стружка — косяк рыбы, уходящий от быстрины.

Не визуальная карта — не картинка, не схема. Что-то другое. Я знал, где провалы. Где отмели. Где камни. Где глубина. Всё это было в моей голове, как будто я всегда это знал, как будто я родился с этой картой в мозгу.

Немые провалы — глубокие ямы, где вода засасывает и крутит. Тёмные пятна на карте — избегать.

Отмели — светлые полосы, безопасные, но мелкие.

И коряги — там, справа, торчащая из дна, как клык, невидимая с поверхности, но ясная для меня, как маяк.

Но самым удивительным было не это.

По мелководью, вдоль левого берега, пылила серебряная стружка.

Я не понимал, что это такое, но это было живое. Движущееся. Множество маленьких точек, которые шли вместе, оставляя светлые дорожки-тропы на сером фоне дна.

«Рыба, — понял я вдруг с абсолютной уверенностью. — Это косяк рыбы. Мелочь. Она идёт вдоль кромки, в безопасности, подальше от быстрины».

Серебряная стружка двигалась влево, к берегу, огибая что-то.

Я сфокусировался на этом «что-то».

Зубец тишины. Чёрный, немой провал между тропами. Не яма. Не водоворот. Что-то твёрдое, неподвижное, смертельное.

«Камень, — пронеслась мысль, холодная и ясная. — Острый. Большой. Скрытый под водой. Если лодку вынесет на него Промахнусь — и лодку расколется, как орех».

Память мальчика подтвердила: Камень-Клык. Убийца лодок.

Но рыба знала. Рыба обходила камень слева, прижимаясь к берегу.

«Следовать за косяком, — понял я. — Рыба не пойдёт туда, где опасно. Она ищет без-опасность. Мне нужно идти туда же».

Но как?

У меня не было вёсел. Лодка неслась по стремнине — тянул её прямо на Камень-Клык, прямо в пасть смерти.

«Раньше я пытался грести против течения. Идиот. Нельзя грести против, можно только направлять. Использовать силу реки, а не бороться с ней».

Я видел путь. Серебряная тропа вела влево, к левому берегу, в обход Камня-Клыка.

«Мне нужно повернуть лодку влево. Но как?»

Опыт Глеба-рыболова, который управлял лодкой на турнирах, подсказал: дифференциальная тяга. Чтобы повернуть нос влево, нужно создать больше тяги справа.

Но у меня не было мотора. Не было вёсел. Только руки.

«Тогда руки и будут вёслами».

Я оценил ситуацию: лодка неслась носом вперёд, зарываясь в воду. Нос был тяжёлым — в нём хлюпала вода, просачивающаяся через шов.

«Нужно изменить развесовку».

Я резко переместился назад, на корму. Моего веса хватило — нос лодки слегка приподнялся, вышел из воды. Течение изменилось — теперь вода была в днище, а не в нос. Лодка стала более управляемой.

«Теперь — тяга».

Я развернулся боком, опустил обе руки в ледяную воду с правого борта. Вода обожгла ободранные запястья новой волной боли, но я сжал зубы и начал грести.

Не размашисто. Не с силой. Коротко, часто, как работает подвесной мотор на малых оборотах. Руки двигались одновременно — загребая воду, отталкивая её назад, создавая тягу.

Течение сопротивлялось, пыталось развернуть лодку обратно, вытолкнуть на стремнину, на Камень-Клык.

Но я видел карту. Я видел путь. Я видел серебряную тропу.

И я продолжал грести.

Секунды тянулись, как часы.

Руки начали неметь от холода. Запястья кричали от боли. Плечи горели от усилия.

Но лодку крутило как надо.

Медленно. Болезненно медленно. Но — крутило.

Нос лодки начал разворачиваться влево. Сначала на градус, потом на два, на пять.

Чёрный шёлк стремнины перестал тянуть прямо. Лодка начала соскальзывать с быстрины — вбок, к серебряной тропе, к левому берегу.

Гул переката был совсем близко — я чувствовал вибрацию в днище лодки, слышал рёв воды, бьющейся о камни.

«Ещё чуть-чуть. Ещё немного влево».

Я вложил в гребки последние силы.

Лодка развернулась ещё на десять градусов.

И вдруг я почувствовал, как она поймала другое течение. Не быстрину, а боковую струю, которая шла вдоль берега, вдоль серебряной тропы.

Лодку потащило влево — мягко, но настойчиво.

Я перестал грести и замер, держась за борт, глядя на серую карту в своей голове.

Зубец тишины — Камень-Клык — проплыл справа, в двадцати метрах. Я не видел его глазами — вода скрывала его под поверхностью. Но я чувствовал его — немую, мёртвую тишину, где не было ни течения, ни рыбы, только острый камень, торчащий из дна, как клык хищника.

Лодка прошла мимо.

Гул переката начал стихать — не потому что я прошёл его (перекат был ещё впереди), а потому что я ушёл с основной стремнины, которая неслась через центр переката, разбиваясь о камни. Я ушёл на боковую протоку, где вода была спокойнее, где течение замедлялось, где берег был близко.

Серебряная стружка рыбы плыла впереди меня, ведя к безопасности.

Я следовал за ней.

Лодка неслась дальше — уже не так быстро, не так хаотично. Течение несло меня вдоль берега, к отмели, к тихой воде.

Я сидел на корме, держась за борт, и пытался дышать.

Карта в голове всё ещё была яркой, чёткой, детальной. Я видел каждый изгиб дна, каждый камень, каждую яму. Я видел, как серебряная стружка рыбы расходится — часть косяка уходит глубже, в ямы, часть остаётся на отмели.

Я видел, как впереди течение замедляется, превращаясь из чёрного шёлка в серое спокойствие.

И я видел берег — правый берег, заросший кустарником, с полосой мелководья, с илистым дном.

«Безопасность. Я почти добрался».

Но вместе с этой мыслью пришла новая волна боли.

Головная боль усилилась — из пронзительной она превратилась в невыносимую, такую, что я зажмурился, стиснул зубы, вцепился в борт так, что ногти впились в дерево.

В ушах начало звенеть — высокий, пронзительный звук, заглушающий всё остальное.

И жажда. Дикая, нестерпимая жажда, которая вспыхнула так внезапно, что я задохнулся. Во рту мгновенно пересохло, язык прилип к нёбу, горло сжалось.

«Цена, — пронеслась мысль сквозь пелену боли. — Это цена того видения. Плата за то, что я увидел дно, путь, спасение».

Лодка замедлилась ещё больше. Течение почти исчезло. Я чувствовал, как днище начинает цепляться за дно — сначала легко, потом сильнее.

И вдруг — скрежет.

Скрежет.

Глухой, протяжный звук, который прошёл через днище лодки, через доски, прямо в мои кости.

Дно лодки чиркнуло по чему-то твёрдому — гравий, камни, песок. Лодка резко замедлилась, накренилась и застыла, наполовину в воде, наполовину на берегу.

Я сидел на дне этой проклятой лодки, всё ещё вцепившись в борт окровавленными руками, и не мог поверить в то, что случилось.

Тишина.

Не полная — вода всё ещё шумела где-то позади, на перекате, но здесь, у берега, этот звук был далёким, приглушённым, почти успокаивающим. Чайки кричали над головой — резко, пронзительно. Где-то вдали, за стеной тумана, который всё ещё стелился над водой, слышался колокольный звон — один удар, потом пауза, потом ещё один, мерный и неспешный.

Я жив.

Вопреки всем законам логики и вероятности — жив.

«Карта» в моей голове, та самая внутренняя картина дна реки, которую я видел во время чего? Видения? Галлюцинации? Дара? — исчезла так же внезапно, как появилась. Погасла, словно кто-то выключил экран. Остались только обычная река, обычная вода, обычный мир, и я совершенно не понимал, что происходит.

И боль.

Боль пришла следом, как волна прилива, накрывая всё сознание.

Головная боль взорвалась в черепе с такой силой, что я зажмурился, стиснув зубы до скрежета. Боль пульсировала где-то в основании черепа, будто меня ударили по затылку. Это была особая боль — острая, пронзительная, словно кто-то вбивал раскалённые гвозди прямо в виски с обеих сторон одновременно. Мигрень, но какая-то дикая, нечеловеческая, такая, от которой хотелось биться головой о стену, лишь бы она прекратилась.

В ушах зазвенело — высокий, пронзительный звук, похожий на писк москита, но усиленный в тысячу раз. Шум заглушал всё остальное, превращая мир в какофонию. Я слышал своё дыхание, стук сердца, крики чаек, но всё это было как будто под слоем ваты, приглушённое, искажённое.

И жажда.

Во рту было сухо — настолько сухо, что язык прилип к нёбу, как кусок пересохшей кожи. Горло горело, словно я глотал раскалённый песок. Слюны не было вообще. Каждый вдох царапал горло изнутри.

Я попытался встать, оттолкнуться от дна лодки, но ноги не слушались — они были ватными, чужими, отказывались держать вес тела. Я свалился на колени в воду, которая всё ещё хлюпала на дне лодки, холодная и грязная.

«Нужно выбраться. Нужно на сушу».

Я пополз — буквально пополз, как раненое животное, цепляясь руками за борт лодки, подтягиваясь, преодолевая каждый сантиметр с усилием. Перевалился через борт и упал в воду — в неглубокую, по колено, но ледяную, которая обожгла ноги новой волной холода.

Я пополз дальше, к берегу, который был всего в паре метров, но казался недостижимым, как горизонт. Руки вязли в иле — вязком, холодном, противном, который засасывал, не хотел отпускать. Колени скользили по камням. Я продвигался вперёд дюйм за дюймом, сантиметр за сантиметром, думая только об одном: «Вода. Мне нужна вода».

Наконец мои руки нащупали твёрдую землю — не ил, а мокрую траву, корни, что-то надёжное. Я выполз на берег, как тюлень, оставляя за собой след из грязи и крови, и рухнул на живот, уткнувшись лицом в мокрую землю.

Лежал так несколько секунд, просто дыша, чувствуя, как сердце колотится в груди так быстро, что кажется, сейчас разорвется.

Жажда была нестерпимой, доминирующей над всем остальным — над болью, над холодом, над страхом.

«Вода. Вода рядом».

Я поднял голову и увидел, что лежу в метре от кромки воды. Река плескалась у моих ног, тёмная, мутная, но это была вода.

Я пополз обратно к воде, опустил лицо прямо в неё и начал пить.

Жадно. Отчаянно. Не думая ни о чём.

Вода была холодной, с привкусом ила и тины, с мелкими частицами грязи, которые хрустели на зубах, но я пил, не обращая на это внимания. Глотал полными глотками, захлёбываясь, давясь, но не останавливаясь.

Слишком жадно.

Я вдохнул воду вместе с тиной, и она пошла не в горло, а в лёгкие. Кашель взорвался в груди — болезненный, удушающий. Я закашлялся так сильно, что согнулся пополам, выплёвывая воду, слизь, грязь. Кашлял целую минуту, может, больше, пока не почувствовал, что могу снова дышать нормально.

Когда кашель наконец стих, я откатился от воды, лёг на спину на мокрую траву и просто смотрел в небо, которое начинало светлеть — из чёрного оно превращалось в серое, предрассветное.

«Карта» в голове, которая ещё недавно была такой чёткой, такой ясной, теперь размылась, потерялась в тумане боли и усталости. Я помнил общие очертания — Камень-Клык, серебряные тропы рыбы, левый берег — но детали ускользали, как сон после пробуждения.

Жажда отступила. Головная боль тоже чуть ослабла, хотя всё ещё пульсировала в висках. Звон в ушах стал тише, но не исчез совсем.

Попытался снова вызвать карту — сосредоточился, прищурился, как там, в лодке. Ничего. Только остаточная боль в висках. Дар включался не по моей воле. Но он был. Я знал это теперь точно.

Я лежал на берегу, мокрый, окровавленный, покрытый грязью, и медленно осознавал главное: я выжил.

Я прошёл через смерть в аварии с фурой. Проснулся в чужом теле. Чуть не утонул в тонущей лодке. Прошёл через перекат, который убивает людей. И выжил.

Я на суше. Я свободен. Я жив.

Но что теперь?

Я повернул голову и посмотрел вокруг, пытаюсь понять, где я нахожусь.

Берег был диким, заросшим травой и кустарником. Позади меня поднимался высокий яр — крутой земляной обрыв, покрытый редкими соснами и берёзами, уходящий вверх метров на двадцать, может, больше. Вдоль яра вилась едва заметная тропа — узкая, протоптанная, явно старая.

Память — не моя, но почему-то доступная, как файл в чужом компьютере, который я мог открыть, подсказала: «Яр под Слободой. Тропа к дому».

«Дом, — подумал я, цепляясь за эту мысль, как за спасительную соломинку. — Дом — это тепло. Сухая одежда. Может быть, еда. Может быть, ответы на вопросы, которых у меня слишком много».

Я сел, преодолевая головокружение, накотившее волной. Посмотрел на свои руки при свете надвигающегося рассвета.

Тонкие. Костлявые. Запястья ободраны до мяса — кожа висит лоскутами, обнажая сырое красное мясо под ней. Кровь. Моя кровь, но в то же время не моя. Запеклась коричневыми корками, смешавшись с грязью и илом. Пальцы дрожат от холода и усталости. Ногти обломаны, под ними грязь.

Руки шестнадцатилетнего подростка, а не тридцатилетнего мужчины.

Чужие руки в самом буквальном смысле.

«Я — Глеб Соколов, — попытался я убедить себя, глядя на эти руки. — Мне тридцать лет. Я логист. Я рыболов. Я только что выиграл турнир. Я ехал домой и попал в аварию. Я»

Память кольнула — острая, яркая, чужая.

Не моя память. Память этого тела. Память Мирона.

Имя. Мирон Заречный. Шестнадцать лет. Сын рыбака Степана, который умер два года назад. Живёт с матерью Агафьей в маленькой избе на окраине Слободы Нижней. Должник. Касьян Авинов. Долг. Срок платежа. Удар по затылку. Темнота.

Всё это пришло не словами, а ощущениями, картинками, знанием, которое просто было — как будто я всегда это знал, но забыл, а теперь вспомнил.

«Мирон, — прошептал я вслух, и моё горло болезненно сжалось. — Меня зовут Мирон».

Это прозвучало правдиво. Более правдиво, чем «Глеб», хотя я помнил свою жизнь, помнил офис, помнил турнир, помнил аварию.

Две жизни. Две личности. Один разум.

«Я — Глеб, который проснулся в теле Мирона, — сформулировал я для себя, пытаюсь найти баланс между двумя реальностями. — Или я — Мирон, который вспомнил чужую жизнь? Какая разница? Главное — я жив. Факт выживания важнее философии».

Я заставил себя встать на ноги, хотя каждая мышца протестовала. Ноги были слабыми, тряслись, едва держали вес, но я стоял.

«Холодно, — осознал я вдруг, когда адреналин начал отступать. — Мне очень холодно».

Одежда была насквозь мокрой — грубая льняная рубаха, портки, всё прилипло к телу, ледяное, тяжёлое. Ветер дул с реки, пронизывая насквозь. Я начал дрожать — сначала мелкой дрожью, потом всё сильнее, пока зубы не застучали.

«Если я не согреюсь, я замёрзну. После всего, что я пережил, я просто замёрзну на этом берегу, как идиот».

Память Мирона подсказывала: дом недалеко. Вверх по тропе, через яр, потом по полю — минут двадцать ходьбы. Может, полчаса в моём состоянии.

«Нужно дойти до дома. Обогреться. И понять понять, где я. Что случилось. Почему я здесь. Что это за мир».

Я сделал первый шаг к тропе, которая вилась вверх по яру, и едва не упал — голова закружилась так, что земля ушла из-под ног. Я схватился за ближайший куст, удержался, дождался, пока головокружение пройдёт.

Второй шаг был чуть увереннее. Третий — ещё лучше.

Я начал подниматься по тропе, шаг за шагом, цепляясь за корни деревьев, за камни, за всё, что могло помочь.

Тропа была крутой, узкой, скользкой от утренней росы. Мои босые ноги скользили по мокрой земле, цеплялись за острые камни и корни. Я поднимался медленно, останавливаясь каждые несколько метров, чтобы отдышаться, преодолевая головокружение и слабость.

Небо продолжало светлеть — из серого в бледно-голубое с розовыми прожилками на востоке. Солнце ещё не взошло, но рассвет был близок. Воздух становился чуть теплее, хотя я всё ещё дрожал.

Когда я, наконец, выбрался из яра, передо мной открылся вид, который заставил меня остановиться и замереть.

Поле. Широкое, пологое, уходящее к горизонту. Но не современное поле с асфальтированными дорогами и линиями электропередач. Это было другое.

Грунтовая дорога, изрытая колеями от телег. Вдали виднелась деревня — но не коттеджный посёлок и не современная деревня с кирпичными домами. Это были избы. Настоящие деревянные избы из брёвен, низкие, вросшие в землю, с крышами из соломы или дранки. Заборы из плетня. Дым поднимался из труб, но не из современных кирпичных, а из деревянных, обмазанных глиной.

«Это не реконструкция, — пронеслась чёткая мысль. — Это не стилизация под старину. Это настоящее».

Память Мирона шептала: «Слобода Нижняя. Мой дом».

Память Глеба кричала: «Это невозможно! Такого не существует! Где машины? Где столбы? Где хоть что-то из двадцать первого века?!»

Я стоял на краю яра, дрожа от холода и шока, пытаюсь осознать, что вижу.

«Я не просто попал в чужое тело, — понял я с ледяной ясностью. — Я попал в другой мир. В другое время. В место, где нет ни офисов, ни турниров, ни пикапов, ни эхолотов. Только река, избы и»

Боль в затылке кольнула — острая, напоминающая.

Я поднял руку и осторожно ощупал затылок. Под волосами нащупал здоровенную шишку и засохшую кровь. Удар был сильным — тупым тяжёлым предметом.

И вместе с прикосновением пришло воспоминание — не моё, но яркое, как вспышка.

Ухмылка.

Лицо парня лет восемнадцати. Светлые волосы, серые глаза, кривая усмешка. Что-то тяжёлое в руке — дубинка? палка? — взмах —

Касьян.

Имя пришло из памяти Мирона с такой силой, что я сглотнул.

Касьян Авинов. Сын приказчика.

«Что это значит — приказчик? Что-то вроде менеджера? управляющего?»

Молодой, наглый, жестокий. Он ударил меня — ударил Мирона — по затылку. Связал. Бросил в лодку. Оттолкнул от берега.

Убийство, замаскированное под несчастный случай.

«Они думали, что я утону, — пронеслась мысль, и вместе с ней пришло холодное, рациональное озарение Глеба-Логиста. — Они инсценировали мою его смерть».

Зачем?

Память Мирона подсказала ответ, размытый, фрагментарный, но понятный: долг.

У семьи Мирона был долг перед Авиновыми. Большой долг. И срок платежа срок был сегодня? вчера? скоро?

«Если должник мёртв, — понял я с той же логикой, которую применял в офисе, раскладывая сложные схемы, — кредитор может забрать имущество в счёт долга без суда, без споров. Труп в реке — это чистое закрытие сделки».

Рейдерство. Обычное, банальное рейдерство. Только не через суд и подделку документов, а через убийство и инсценировку.

«Они думают, что я мёртв, — повторил я вслух, чувствуя, как ярость начинает пробиваться сквозь усталость и шок. — Они думают, что дело сделано».

И если они думают, что Мирон мёртв, то они уже идут куда?

К дому.

За имуществом.

За лодкой, причалом, избой.

И за

Мама.

Слово пришло из памяти Мирона с такой силой, такой болью, что я задохнулся.

Агафья. Его мать. Моя мать? Я не знал её, но Мирон знал — любил, защищал, был всем, что у неё осталось после смерти отца.

«Если они думают, что я мёртв, они идут к ней, — понял я, и паника вернулась. — Прямо сейчас. Они идут забирать дом, выгонять её, может быть»

Я не закончил мысль, но она висела в воздухе, тяжёлая и страшная.

«Нужно бежать. Нужно добраться до дома первым. Предупредить её. Защитить её».

Глава 3

Тропа была крутой, узкой, скользкой от утренней росы. Мои босые ноги цеплялись за корни, скользили на мокрой земле, спотыкались об острые камни. Я поднимался медленно, останавливаясь каждые несколько метров, чтобы отдышаться, хватаясь за кусты и стволы берёз, когда головокружение накатывало особенно сильно.

Головная боль после видения всё ещё пульсировала в висках — не такая острая, как была, но достаточно сильная, чтобы каждый шаг отдавался эхом в черепе. Запястья горели огнём — кожа висела лоскутами, обнажая сырое мясо, которое покрылось новым слоем грязи. Мокрая рубаха прилипла к телу ледяным компрессом, и я дрожал так сильно, что зубы стучали.

Но я шёл. Потому что память этого тела — память Мирона — шептала мне, что я близко. Что дом там, за верхушкой яра, за полем. Что мама там. Что Касьян, может быть, уже там.

«Мама, — повторял я про себя, как мантру, помогающую преодолеть каждый шаг. — Касьян. Срок. Нужно успеть».

Я не думал о том, что всё это означает. Не думал о том, как я оказался здесь, в этом теле, в этом мире. Адреналин всё ещё пульсировал в крови, заглушая философию инстинктом выживания: двигаться, достичь цели, защититься.

Это было настоящее.

Я стоял на краю поля, дрожа от холода и шока, глядя на деревню, которую моя память знала, но которую мой разум не мог принять.

Воздух был другим. Чистым, резким, с запахами, которых я никогда не чувствовал в городе. Деревянный дым — не от угольных печей, не от газовых плит, а от настоящих дров, горящих в печах. Запах навоза — сырой, тяжёлый, доминирующий. Запах сырой земли, травы, реки.

«Где я? — спросил я себя, но ответа не было. — Когда я?»

Никаких машин. Никаких проводов. Деревянные избы. Плетёные заборы.

Это выглядело как четырнадцатый век. Может, пятнадцатый. Может, раньше.

«Это невозможно, — шептал разум Глеба-Логиста, который привык к Excel-таблицам и GPS-навигаторам. — Время не люди не»

Но память Мирона шептала другое: «Это дом. Это всегда было так. Это нормально».

Две реальности, два голоса, один разум.

Я сделал глубокий вдох, стиснул зубы и заставил себя двигаться дальше. Вниз по склону, по грунтовой дороге, к первым избам.

Деревня просыпалась. Из труб валил дым — кто-то уже топил печи. Где-то вдали кричал петух — не записанный звук, а настоящий, живой, резкий. Собака залаяла на меня — худая, рыжая дворняга, которая бежала вдоль плетня, скаля зубы.

Я ускорил шаг, игнорируя боль в ногах.

Память Мирона вела меня — налево, мимо колодца, настоящего деревянного колодца с журавлём. Мимо большой избы с крытым двором, кто-то богатый живёт, подсказывала память, направо по узкому переулку.

И вот — наш дом.

Изда на краю деревни, почти у самого леса. Брёвна потемневшие, старые. Крыша из дранки местами провалилась. Окна затянуты чем-то мутным. Труба — деревянная, обмазанная глиной, покосившаяся — дымила тонкой струйкой.

Но это был дом.

Я остановился у калитки — такой же плетёной, покосившейся, скрипучей.

Дверь избы была закрыта. Внутри не слышно ни звука.

«Она там, — подсказывала память Мирона. — Мама. Агафья. Она всегда дома в этот час».

Я поднял руку, чтобы толкнуть калитку, и замер.

Я не мог просто ворваться внутрь. Не вот так — мокрый, покрытый грязью и кровью, с диким взглядом и запахом реки. Если я ворвусь с криком «Меня убил Касьян!», я вызову панику, которую не смогу контролировать.

«Контроль, — прошептал внутренний голос Глеба-Логиста. — Мне нужен контроль над ситуацией. Паника — это пассив. Мне нужна стратегия».

Я сделал глубокий вдох, разжал кулаки, попытался успокоить дрожь в руках.

И толкнул калитку.

Она скрипнула — громко, протяжно.

Я пересёк крошечный двор (грязь, несколько кур, склонившаяся баня) и подошёл к двери.

Тяжёлая. Деревянная. Без замка — только деревянная задвижка.

Я толкнул её.

Дверь поддалась со скрипом.

И я шагнул внутрь.

Контраст ударил меня, как физическая волна.

Снаружи было холодно, сыро, пахло навозом и сырой землёй. Внутри было теплее. Не тепло, но теплее. И сухо.

Запахи обрушились на меня: сушёные травы, квашеная капуста — кислый, резкий запах из бочки у стены, древесный дым и что-то ещё — старое, застоявшееся, но не грязное.

Изба была небольшой. Одна комната — горница. Низкий потолок из почерневших от копоти брёвен. Маленькое окно, затянутое чем-то мутным, пропускало слабый предрассветный свет. Вдоль стены — массивная печь из глины и камня, от которой исходило слабое тепло, она почти остыла, но ещё держала жар. Рядом с печью — деревянная лавка. На лавке, укрывшись старым тулупом —

Она.

Женщина лет тридцати пяти, может, чуть старше, но выглядящая на все сорок пять. Лицо усталое, измождённое, с глубокими морщинами у глаз и рта. Тёмные волосы, туго стянутые платком. Одежда грубая, домотканая — сарафан тёмно-серого цвета, рубаха под ним. Она спала, не раздеваясь, прямо на лавке, прижавшись к остывающей печи.

Агафья.

Мать Мирона. Моя мать?

Память этого тела кольнула — острая, болезненная. Я знал её. Я любил её. Она была всем, что у меня осталось после смерти отца. У меня был отец, но я никак не мог его отчетливо вспомнить.

Но это была не моя мать. Моя мать жила в двадцать первом веке, в городе, в квартире с горячей водой и интернетом. Это была чужая женщина, которую я никогда не видел.

И всё же — моя.

Скрип двери разбудил её.

Она вздрогнула, открыла глаза — тёмные, испуганные — и села, сбрасывая тулуп. Повернула голову к двери.

И замерла.

Её глаза расширились. Рот приоткрылся. На секунду она просто смотрела на меня — мокрого, грязного, окровавленного подростка, стоящего на пороге.

Потом издала звук — сдавленный, шокированный вздох, как будто её ударили в живот.

— Миронушка!

Она сорвалась с лавки и бросилась ко мне — быстро, несмотря на возраст и усталость. Схватила меня за плечи, посмотрела в лицо, потом на запястья, на мокрую одежду, на грязь.

— Живой Господи Живой

Её голос дрожал, но она не плакала. Она была сильной — я видел это в её глазах, в том, как она держала себя. Хозяйка. Женщина, которая научилась справляться.

— Что стряслось?! — Её руки ощупывали меня, проверяя, цел ли я. — На Перекат снесло? Я я думала

Она не договорила, но я понял. Она думала, что я мёртв.

Я смотрел на её испуганное, измождённое лицо и думал.

Быстро. Холодно. Логично.

«Я не могу сказать ей правду. Не сейчас. Если я скажу, что меня пытались убить, она запаникует. Она захочет бежать к старосте, к кому-то ещё. Она поднимет шум. А Касьян узнает, что я жив, раньше, чем я буду готов».

Паника — это пассив. Мне нужен контроль.

«Ей нужна легенда. Простая, правдоподобная история, которая объясняет всё — мокрую одежду, раны, отсутствие лодки — но не упоминает врага».

Я кашлянул — горло всё ещё болело от речной воды и тины — и хрипло произнёс:

— Да На Перекате зацепило.

Голос был чужим — хриплым, надломленным, но это даже помогало. Это делало историю правдоподобнее.

Я кашлянул ещё раз, согнувшись, и продолжил:

— Упал головой ударился Лодку разбило.

Идеальная ложь. Она объясняла всё: мокрую одежду, рану на затылке, порезы на запястьях И главное — она не упоминала Касьяна.

Агафья замерла на секунду, глядя на меня, и я видел, как её страх трансформируется во что-то другое.

Облегчение. Потом — дело.

— Снимай мокрое. Живо, — скомандовала она, и её голос стал твёрдым, решительным.

Она развернулась и бросилась к печи. Подбросила несколько поленьев в угли. Я услышал, как огонь вспыхнул, зашипел. Схватила со стены чистую рубаху — грубую, домотканую, серого цвета — и кинула мне.

— Раздевайся. Сейчас.

Я стоял, дрожа, и смотрел на неё. Она была в режиме хозяйки — решительная, быстрая, не терпящая возражений. Женщина, которая знала, что делать в кризисе.

Я стянул мокрую рубаху — она прилипла к коже, и я едва смог её снять. Бросил на пол. Мокрые портки тоже. Остался голым, дрожащим, покрытым грязью и запёкшейся кровью.

Агафья не смотрела — она была занята. Она уже тащила что-то из угла — старый тулуп, овчинный, тяжёлый, пахнувший овцой и дымом.

— Надевай рубаху. Быстро. Потом — к печи.

Я натянул чистую рубаху — она была грубой, царапала кожу, но сухой. Потом Агафья накинула на меня тулуп и буквально подтолкнула к печи.

— Садись. Грейся.

Я сел на лавку, прижавшись спиной к тёплой, теперь уже горячей, глине печи, и почувствовал, как тепло начинает проникать в тело.

Впервые за несколько часов я почувствовал себя не в безопасности, но близко к этому.

Агафья исчезла в сенях и вернулась с деревянной миской, тряпками и чем-то ещё.

Она опустила на колени передо мной и взяла мою руку — осторожно, но твёрдо. Посмотрела на запястье.

Кожа висела лоскутами. Сырое мясо под ней было красным, распухшим, покрытым грязью и запёкшейся кровью. Это выглядело ужасно.

— Это ты как? О камни? — спросила она, глядя на раны.

Мне нужна была ещё одна быстрая ложь.

— О снасти, — хрипло ответил я. — Запутался, когда падал.

Она кивнула, не сомневаясь. Её руки начали работать — она окунула тряпку в воду и начала осторожно промывать раны.

Боль была острой, но я стиснул зубы и терпел.

Пока она работала, мои глаза начали сканировать комнату.

Ищу аномалии. Ищу подсказки.

Изба была бедной. Очень бедной.

Стол — грубый, сколоченный из досок, выскобленный ножом до белизны. На столе — краюха чёрного хлеба, деревянная ложка, глиняный горшок.

Лавки вдоль стен — такие же грубые.

Печь — массивная, занимающая четверть избы. Это была не просто печь для готовки. Это было сердце дома — она обогревала, на ней готовили, на ней спали.

Иконка в углу — маленькая, потемневшая, с ликом, который я не узнал.

Бочка у стены — с квашеной капустой, судя по запаху.

Сундук — старый, потрёпанный, с железными петлями.

Всё на своём месте. Всё нормально для бедной избы четырнадцатого-пятнадцатого века.

Кроме одного.

Мой взгляд замер на столе.

На чистом, выскобленном столе, рядом с краюхой чёрного хлеба, лежал предмет, который не вписывался в картину бедности.

Лист бумаги.

Не грубый, не жёлтый, а белый. Почти белоснежный. Дорогой. Пергамент? Или что-то ещё более ценное?

На нём было что-то написано — я не мог разобрать с этого расстояния, но видел печать. Красную восковую печать внизу.

Чужеродный предмет. Дорогой. Официальный.

— Что это?

Я не планировал говорить вслух, но слова вырвались сами — хрипло, но с металлом в голосе.

Агафья, которая всё ещё промывала мои запястья, замерла.

Её руки застыли. Тряпка повисла в воздухе.

Она медленно подняла глаза и посмотрела на меня.

В её взгляде был страх. Тот самый страх, который она подавила, когда увидела меня живым. Он вернулся — глубокий, тяжёлый, безнадёжный.

— Мама, — повторил я, и мой голос стал тише, но твёрже. — Что это за бумага?

Она отвела взгляд. Опустила тряпку в миску. Медленно встала на ноги, вытирая руки о сарафан.

— Это — Её голос был тихим, сдавленным. — Это от Касьяна. От Авинова.

Имя упало в тишину избы, как камень в воду.

Касьян.

Воспоминание вспыхнуло в моей голове — яркое, как вспышка. Ухмылка. Светлые волосы. Серые глаза. Удар по затылку. Темнота.

— Касьян, — повторил я вслух, и моё тело отреагировало инстинктивно: мышцы напряглись, кулаки сжались. — Когда он приходил?

Агафья всё ещё не смотрела на меня. Она стояла спиной, глядя на печь.

— Вчера, — ответила она тихо. — Вечером. Я я думала, ты пропал. Он он тоже так думал. Спрашивал, где ты.

Я встал с лавки, сбросив тулуп. Подошёл к столу. Взял лист бумаги.

Тяжёлый. Дорогой. На ощупь — не обычная бумага, а что-то качественное, импортное.

Я попытался прочитать текст.

Буквы были странными — не современные кириллица, а что-то архаичное, с завитками и лигатурами. Но память Мирона подсказывала — я мог читать. Медленно, но мог.

Текст был формальным, официальным. Я узнал несколько слов: «долг», «срок», «требование», «имущество».

Внизу — красная восковая печать. На ней — оттиск герба: двуглавый орёл и что-то ещё.

— Что он хочет? — спросил я, не отрывая глаз от бумаги.

Агафья обернулась. Посмотрела на меня. В её глазах был ужас.

— Он принёс требование.

Я стоял у стола, держа в руках этот чужеродный, дорогой лист бумаги, и пытался осмыслить то, что читал.

Буквы были непривычными, архаичными, но память Мирона помогала. Медленно, по слогам, я складывал текст воедино.

«Сим напоминаю о возврате долга в сумме двадцати рублей серебром, данных в заем покойному Степану Заречному два года назад под заклад имущества. Срок возврата долга назначен на нынешний день, по истечении коего имущество подлежит изъятию в счёт долга согласно закону. Свидетель: Игнат Воронов, староста Слободы Нижней. Печать приказчика Авинова».

Двадцать рублей серебром. Имущество. Срок — сегодня.

Слова были простыми, но за ними стояла угроза, которую я понимал даже без знания экономики этого мира.

— Долг, — прошептал я, и память Мирона подсказала детали, фрагментами, обрывками. — Отец брал деньги у Авинова. Два года назад. На на что? На лодку? На сети? Не важно. Он не успел вернуть. Умер.

Агафья стояла у печи, обняв себя руками, и смотрела на меня с тем самым ужасом в глазах, который я видел раньше.

— Он сказал, — начала она тихо, и её голос дрожал, — что если мы не вернём долг, он заберёт всё. Дом. Лодку. Сети. Причал. Всё.

Я медленно опустил бумагу на стол.

«Рейдерство, — пронеслась мысль холодная и ясная. — Обычное, банальное рейдерство. Выдать кредит под завышенные проценты, дожидаться, пока должник не сможет выплатить, потом забрать имущество. Схема старая, как мир».

Но здесь была деталь, которая меня беспокоила.

«Касьян знал, что я не вернусь, — понял я. — Он ударил меня, связал, бросил в лодку и отпустил на перекаат. Он инсценировал мою смерть. Зачем?»

Ответ пришёл сам собой, логичный и холодный:

«Если наследник мёртв, кредитор может забрать имущество без споров. Без суда. Без свидетелей. Труп в реке — чистое закрытие сделки».

Я посмотрел на Агафью.

— Срок, — сказал я, и мой голос был тише, чем я хотел. — Когда срок?

Агафья слотнула. Её руки сильнее сжали себя, как будто она пыталась удержаться от того, чтобы не расплакаться.

— Сегодня, — прошептала она. — Он сказал — сегодня. К закату. Если мы не принесём деньги сегодня к закату он придёт с людьми и заберёт всё. Он пришёл вчера вечером, принёс эту бумагу чтобы мы знали. Это последний день.

Сегодня. К закату.

Я поймал себя на слове. Рейдерство. Язык моего мира, но законы этого — понятны так же ясно, как будто я прожил здесь годы. Память Мирона услужливо подсовывала названия, а мышление Глеба мгновенно складывало их в знакомую схему. Удивительно и удобно.

Я посмотрел в окно. Небо за мутным пузырьём уже посветлело — не рассвет, но близко к нему. Может, час до восхода солнца. До заката оставалось что? Двенадцать часов? Четырнадцать?

Времени мало. Очень мало.

— Сколько у нас денег? — спросил я, хотя уже знал ответ.

Агафья покачала головой.

— Ничего. Совсем ничего. Я я продала всё, что могла. Последнее полотно — ещё месяц назад. У нас осталось только — Она обвела взглядом избу. — Только это.

Дом. Лодка. Сети. Причал.

Всё, что было у семьи Мирона.

— Двадцать рублей серебром, — повторил я вслух, пытаюсь оценить сумму. — Это много?

Память Мирона подсказала: огромная сумма. Целое состояние для бедной семьи. Год работы, может, больше.

Невыплатимо.

Я сел на лавку, чувствуя, как усталость наваливается на меня, как гиря. Головная боль всё ещё пульсировала. Запястья горели. Тело дрожало от холода, несмотря на тёплую печь.

«Касьян думает, что я мёртв, — повторил я про себя. — Он думает, что дело сделано. Что сегодня вечером он придёт, заберёт имущество, и никто не сможет ему помешать, потому что наследник утонул».

Но я не утонул.

Я выжил.

И теперь у меня было преимущество: он не знает, что я жив.

«Это даёт мне время, — понял я. — Немного времени. До заката. Двенадцать часов, может, чуть больше. Этого должно хватить».

Я поднял голову и посмотрел на Агафью.

— Мама, — сказал я, и это слово прозвучало странно — чужое, но в то же время правильное. — Мне нужно кое-что сделать. Но сначала скажи мне. Где наше имущество? Лодка, сети, причал — где всё это?

Агафья посмотрела на меня с недоумением.

— Ты ты же знаешь. Лодка — на причале, где всегда. Сети — в сарае за домом. Причал — у реки.

Лодка цела. Сети целы. Имущество на месте.

Хорошо. Очень хорошо.

— Покажи мне сарай, — попросил я, вставая с лавки. — Сейчас.

Агафья нахмурилась.

— Миронушка, ты ты весь избитый. Тебе нужно отдохнуть. Поешь. Я сварю.

— Покажи мне сарай, — повторил я, и мой голос стал жёстче. — Пожалуйста. Это важно. Она посмотрела на меня долгим взглядом — изучающим, беспокойным. Наверное, услышала что-то в моём голосе, чего не было раньше. Что-то чужое.

Но она кивнула.

— Хорошо. Пойдём.

Я накинул тулуп поверх сухой рубахи и последовал за ней к двери.

Глава 4

Двор за избой был крошечным — несколько квадратных метров утоптанной земли, обнесённой покосившимся плетнём. Несколько кур копошились в грязи, разбегаясь при нашем появлении. В углу стоял маленький сарай — покосившийся, с крышей из дранки, которая местами провалилась.

Агафья толкнула дверь сарая — она заскрипела, с трудом открываясь.

Внутри было темно и пахло сыростью, гнилью и рыбой.

Агафья зажгла лучину — я видел, как она достала кремень и огниво, высекла искры, раздула. Всё это было так архаично, так чужеродно, но память Мирона подсказывала, что это нормально. Слабый свет заплясал по стенам сарая.

Я вошёл внутрь и осмотрелся.

Сарай был почти пуст.

Вдоль стены висели остатки рыболовных снастей — несколько крючков, обрывки веревок, пустые поплавки из коры. На полу валялся старый бредень, небольшая сеть для ловли рыбы с берега. Он был в ужасном состоянии: дыры размером с кулак, нити гнилые, местами просто рассыпались в труху.

Рядом лежал деревянный ящик. Я открыл его. Внутри — ржавые крючки, несколько свинцовых грузил, моток тонкой бечёвки и старый нож без рукояти.

Всё.

Больше ничего не было.

— Это всё? — спросил я, оборачиваясь к Агафье.

Она кивнула, и по её лицу я понял, что она ожидала этого вопроса.

— Он забрал, — тихо сказала она. — Касьян. Он приходил месяц назад. Сказал, что берёт часть снастей в счёт долга. Забрал хорошие сети, невод, крючки всё, что было ценным. Оставил только это.

Она обвела рукой сарай — гнилой бредень, ржавые крючки, хлам.

«Рейд, — пронеслась ясная мысль. — Он уже начал забирать имущество. Постепенно, кусок за куском, чтобы мы не могли заработать. Чтобы к моменту окончательного изъятия мы были беспомощны».

Я присел на корточки рядом с гнилым бреднем, потрогал сеть. Нити рассыпались под пальцами, как труха.

«Бесполезно. Этим ловить нельзя. Нужен ремонт. Времени нет».

— Лодка хотя бы цела? — спросил я, вставая.

— На причале, где всегда, — ответила Агафья. — Её он не трогал. Пока.

Я кивнул, затыкая нож за пояс — может, пригодится. Вышел из сарая обратно во двор.

Агафья погасила лучину и последовала за мной.

Мы вернулись в избу. Тепло от печи обволокло меня, и я почувствовал, как усталость наваливается свинцовой тяжестью. Я не спал всю ночь. Прошёл через перекат. Чуть не утонул. Голова всё ещё пульсировала тупой болью.

Но останавливаться было нельзя.

Я подошёл к столу, где всё ещё лежала бумага с требованием. Взял её в руки, перечитал ещё раз — медленно, вдумчиво.

«Сим напоминаю о возврате долга в сумме двадцати рублей серебром»

Двадцать рублей серебром. Срок — сегодня к закату.

Я посмотрел на Агафью, которая стояла у печи, обняв себя руками.

— Мама, — сказал я ровным, деловым голосом. — Двадцать рублей серебром. Что это значит?

Агафья посмотрела на меня с недоумением.

— Что что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду — сколько это? В чём можно измерить? — Я говорил быстро, чётко.
— Двадцать рублей серебром — это что? Сколько рыбы? Сколько работы?

Агафья моргнула, явно не ожидая такого вопроса. Она задумалась на секунду, потом медленно ответила:

— Двадцать серебром это — Она сосчитала на пальцах. — Это десять бочек солёного леща. Может, чуть больше. Хороший годовой улов.

Я кивнул, записывая эту информацию в уме, как цифру в таблице.

«Эквивалент установлен. Двадцать рублей серебром равны годовому доходу семьи рыбака. Огромная сумма для бедной семьи. Неоплатная».

Я снова посмотрел на бумагу, перечитывая текст — медленно, вдумчиво.

«Сим напоминаю о возврате долга под заклад имущества по истечении коего имущество подлежит изъятию»

«Касьян не ожидал, что мы вернём долг, — понял я. — Он изначально шёл за имуществом. Убийство было просто подготовкой. Если наследник мёртв, никто не сможет оспорить изъятие. Чистая сделка».

Но я не был мёртв.

Я опустил бумагу на стол и посмотрел на Агафью.

— Мама, наша лодка «Стерлядка» — сколько она стоит?

Агафья вздрогнула, будто я ударил её.

— Что?

— Если продать её. Быстро. Сегодня. Сколько за неё дадут?

Агафья смотрела на меня так, словно я предложил продать собственную мать.

— Миронушка ты ты что?! Продать лодку?! Это это всё, что у нас есть! Без лодки мы

— Сколько? — повторил я жёстче.

Она сглотнула, отвела взгляд, думала.

— Может может пять серебром дадут, — прошептала она. — Ну, семь, если очень повезёт. Если найдётся покупатель, который срочно нуждается в лодке. Но кто сейчас купит? В такой спешке?

Семь рублей. Максимум.

Я сделал быстрый расчёт в уме — так же автоматически, как считал маржу на закупках в офисе.

Долг — двадцать серебром.

Цена лодки — семь серебром.

Нехватка — тринадцать серебром.

«Продажа лодки не решает проблему. Она покрывает треть долга. Мне всё равно нужно найти ещё тринадцать серебра. И без лодки я неспособен их заработать».

Тупик. Ложный путь.

Я отошёл от стола и подошёл к окну. За мутным пузырьём виднелся туман, стелющийся над деревней. Солнце уже поднималось — небо светлело.

«До заката осталось двенадцать часов, может, чуть меньше. Продажа лодки — тупик. Средства уничтожены. Денег нет. Касьян обобрал нас заранее».

«Задача: найти двадцать серебра за двенадцать часов. Невыполнимая? Нет. Просто очень сложная».

— Веди меня к причалу, — сказал я. — Мне нужно посмотреть на лодку.

Агафья молча кивнула и повела меня к двери.

Тропа вывела нас к реке.

И я увидел её.

Река раскинулась передо мной — широкая, тёмная, спокойная в утреннем свете. Туман ещё не рассеялся полностью, стелясь над водой белым одеялом. Противоположный берег терялся в дымке. Вода была почти чёрной, с серебристыми бликами, там, где пробивался первый солнечный свет.

Красиво. Безмятежно. Опасно.

Я помнил эту реку. Помнил, как она пыталась меня убить несколько часов назад.

Вдоль берега тянулись причалы — небольшие деревянные настилы, врытые в ил, с привязанными лодками. Я насчитал с десяток — у каждой семьи рыбаков был свой причал.

Агафья повела меня к одному из них — самому большому, покосившемуся, на краю.

И там, привязанная к столбу верёвкой, качалась на воде лодка.

Маленькая. Узкая. Из досок, сколоченных вручную, уже потемневших от времени и воды. Нос острый, корма приподнятая. На борту — выжженное клеймом имя: «Стерлядка».

Наша лодка. Лодка Мирона. Лодка его отца.

Память Мирона кольнула — острая, болезненная. Я видел эту лодку глазами мальчишки, который учился грести, ловил первую рыбу, сидел рядом с отцом и слушал его рассказы.

Но это была не моя память. Это была чужая жизнь.

Я подошёл к краю причала и присел, осматривая лодку.

Она была в неплохом состоянии — старая, потрёпанная, но крепкая. Доски целые, швы проконопачены, вёсла лежат на дне. Никаких дыр, никаких течей.

«Это актив. Единственный работающий актив. С ней я могу ловить рыбу. Без неё — ничего».

Я встал, оттолкнувшись от борта лодки.

— У нас есть ещё что-то? Кроме лодки и того хлама в сарае?

Агафья покачала головой.

— Нет.

Коротко. Безнадёжно.

Я стиснул зубы, подавляя вспышку ярости.

Я снова посмотрел на реку, на туман, на воду.

«Двадцать рублей. Двенадцать часов. Лодка цела, но снастей нет. Что я могу сделать?»

И тут до меня дошло.

«Я не могу заработать двадцать рублей рыбалкой за двенадцать часов. Это невозможно. Даже с лучшими снастями, даже с Даром, даже с невероятной удачей — это нереально».

Значит, нужен другой путь.

Но какой?

Я обернулся к Агафье.

— Касьян. Когда он приходил с этой бумагой он что-то ещё говорил? Кроме срока?

Агафья задумалась, хмурясь.

— Он он сказал, что завтра вечером придёт с людьми. С приказом старосты. Заберёт дом, лодку, причал всё. Он сказал — Она запнулась, вспоминая. — Он сказал, что у нас нет выхода. Что серебра у нас не будет никогда.

— Он был уверен?

— Да. Очень уверен. Он он даже усмехался.

Усмехался.

«Он думал, что я мёртв. Он думал, что мать одна не сможет ничего сделать. Он думал, что победил».

Но я был жив.

И у меня было преимущество: он не знал об этом.

Идея начала формироваться в моей голове — размытая, рискованная, но единственная, которая имела смысл.

«Если я не могу заработать двадцать серебра, может быть, я смогу их достать».

Я посмотрел на Агафью.

— Мама, Касьян — где он живёт?

Агафья вздрогнула.

— Зачем тебе?

— Просто скажи. Где?

Она неуверенно указала в сторону деревни.

— В доме приказчика. Большой дом в центре Слободы. Рядом с торгом.

Большой дом. Центр Слободы.

«Там, где деньги. Там, где моё серебро, которое он уже считает своим».

Я кивнул, записывая информацию.

— Хорошо. Пойдём обратно в дом. Мне нужно подумать.

Агафья посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом — так же, как утром, когда я вернулся домой. В её глазах были беспокойство и непонимание.

Но она не спросила. Просто кивнула и повернулась к тропе.

Я последовал за ней, бросив последний взгляд на «Стерлядку», качающуюся на тёмной воде.

«Двенадцать часов. Двадцать рублей серебром. Один шанс».

Игра только начиналась.

Мы почти дошли до избы, когда меня осенило.

Я остановился посреди тропы так резко, что Агафья чуть не налетела на меня.

— Миронушка, что

Я не ответил. Мысль пронзила меня, как удар молнии.

«Касьян думает, что я мёртв. Он принёс требование вчера вечером. Сегодня — последний день. Он уверен, что мать одна не заплатит».

«Значит, он уже идёт за имуществом».

«Не вечером. Не к закату. Прямо сейчас. Зачем ждать? Если наследник мёртв, кто ему помешает?»

Лодка. Он идёт за лодкой.

Я развернулся и побежал обратно к реке.

— Миронушка! — закричала Агафья позади меня. — Куда ты?!

— Он уже там! — крикнул я через плечо, не останавливаясь. — Он забирает нашу лодку!

Я бежал по тропе, перепрыгивая через корни, скользя на мокрой земле, игнорируя боль в ногах и головокружение. Сердце колотилось в груди. Дыхание рвалось.

«Только не лодка. Только не это! Без неё я ничего не смогу».

Тропа вывела меня обратно к реке.

Я выскочил на берег и увидел —

Они.

У нашего причала, самого крайнего, самого покосившегося, стояли два человека.

Один был молодым — лет восемнадцати, со светлыми волосами, перехваченными кожаным шнурком, в добротной шерстяной рубахе и кожаных сапогах. Лицо наглое, красивое, с кривой усмешкой, которую я узнал бы где угодно.

Касьян Авинов.

Второй был старше — мужик лет сорока, коренастый, с бородой лопатой, в грубом кафтане. Он держал весло и явно выполнял приказы Касьяна.

И они отвязывали «Стерлядку».

Верёвка уже была наполовину развязана. Касьян держал борт лодки, готовясь оттолкнуть её от причала.

Они забирали мою лодку. Прямо сейчас. На рассвете.

«Я успел».

Я шагнул на причал — тяжело, чтобы доски скрипнули под моим весом.

Оба мужика замерли.

Я сделал ещё шаг, выходя из тени кустов, и остановился на краю причала, глядя на них.

— Стой, — сказал я. Голос был хриплым от бега, но твёрдым. — Это моя лодка.

Касьян медленно обернулся.

И я увидел, как его лицо изменилось.

Сначала недоумение. Потом — узнавание. Потом — шок.

Он отпустил борт лодки. Отшатнулся на шаг. Губы приоткрылись, но звука не вышло.

— Т-ты — выдавил он наконец.

Его глаза были широко раскрыты. В них было не просто удивление. Это был ужас.

Он видел призрак.

Второй мужик — «Касьянов человек» — оглянулся через плечо, посмотрел на меня и застыл. Весло выпало из его рук, с грохотом упав на дно лодки.

— Господи Иисусе — прошептал он и, не отрывая взгляда от меня, перекрестился. Один раз. Второй. Третий.

Потом его ноги подкосились, и он рухнул на колени прямо в лодке, продолжая креститься и бормотать молитву.

— Упырь! Заложный! Господи, помилуй!

«Они думают, что я утопленник, который вернулся из мёртвых».

Идея пришла мгновенно, инстинктивно.

«Хорошо. Пусть думают».

Я сделал ещё шаг вперёд — медленно, неспешно, как будто плыл по воздуху. Посмотрел на Касьяна пустым взглядом.

— Оставь лодку, — сказал я тише, спокойнее, чем раньше. Голос почти без эмоций. — Верни её на место.

Касьян стоял, как вкопанный, глядя на меня. Его руки дрожали. Лицо побелело.

Я сделал ещё шаг.

— По долгам моё время не закончилось. А ты уже имущество моё забираешь?

Касьян сглотнул. Губы шевелились, но слов не было. Он смотрел на меня так, словно видел нечто невозможное, нечто, что разрушало весь его мир.

Я просто стоял и смотрел. Не моргая. Не двигаясь.

«Дай ему время. Пусть ужас делает своё дело».

Наконец Касьян дёрнулся, как будто очнулся. Его дрожащие руки разжались, отпуская борт «Стерлядки». Лодка, подчиняясь течению и верёвке, которая всё ещё была наполовину привязана к столбу, медленно развернулась и прижалась обратно к причалу, мягко ударившись о деревянный настил.

Касьян отступил на шаг. Потом ещё на один. Не отрывая взгляда от меня.

— Ты ты не — начал он, но голос сорвался.

Я не ответил. Просто смотрел.

«Касьянов человек» уже карабкался из лодки, переваливаясь через борт, шлёпаясь в воду по колёно. Он выбрался на берег, всё ещё крестясь, и попятился, глядя на меня с диким ужасом.

— Пойдём, барин! Пойдём отсюда! Это не место это не

Касьян дёрнулся, оторвал взгляд от меня и, спотыкаясь, развернулся. Он не бежал — он бросился прочь, таща за собой своего человека, который продолжал креститься и бормотать молитвы.

Я стоял на причале, глядя вслед убегающим Касьяну и его человеку, и чувствовал, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя слабость и дрожь в руках.

«Он побежал проверять. У меня есть несколько минут. Не больше».

Я обернулся к «Стерлядке», мирно покачивающейся у причала.

Лодка была цела. Это была маленькая победа.

Но мне нужно было больше, чем лодка. Мне нужно было серебро. Двадцать серебра. За десять часов.

Туман начинал рассеиваться. Солнце поднималось выше, бросая длинные тени на воду. Река была спокойной здесь, у берега, но я знал, что дальше, ближе к середине, течение было сильным.

И я услышал звук.

Глухой, протяжный, доносящийся откуда-то с воды.

Рожок. Кто-то трубил в рожок — длинный, басовитый звук, который разносился над рекой.

Я прищурился, всматриваясь вдаль.

Там, вверх по течению, за лёгкой дымкой тумана, я увидел силуэты.

Большая ладья. Мачта торчала из воды, покачиваясь. Ладья стояла на якоре — неподвижная, застрявшая.

Рядом с ней — две маленькие лодки.

А на берегу, у косы — толпа. Человек десять, может, больше. Они стояли, размахивали руками, кричали что-то.

Слов я не разобрал — слишком далеко. Но голоса были громкими, напряжёнными.

«Что там? Ладья села на мель? Почему стоят?»

Память Мирона подсказывала: «Пережат Чёртов недалеко. Там опасное место. Ладьи часто застревают».

«Там явно какая-то проблема».

И вместе с этой мыслью пришла другая — расчётливая.

«А где проблема, там может быть работа. А где купцы — там деньги».

Я посмотрел на «Стерлядку», потом обратно на толпу.

«Касьян вернётся через несколько минут. Он проверит избу, поймёт, что я жив, и вернётся сюда в ярости. Он приведёт людей. Может быть, стражников. Сидеть здесь — смерть».

«Но если я пойду туда»

Идея начала формироваться — размытая, рискованная, но единственная.

«Если там проблема с проходом через Пережат, может быть, мне заплатят за помощь. Может быть, я смогу заработать хоть что-то».

Я быстро пошёл вдоль берега, к толпе, обходя причалы и кусты. Нож за поясом покалывал бок при каждом шаге.

Голоса становились чётче с каждым шагом.

Я услышал крик — громкий, гневный:

— сорок серебром! За один проход?! Да твой Касьян Авинов совсем взбесился! Это грабёж! Мой товар сгниёт здесь!

Я замер за кустом, прислушиваясь.

Другой голос — спокойный, бесстрастный:

— Таков указ приказчика Авинова. Пережат Чёртов — собственность Авиновых. Проход платный. Сорок серебром за ладью с грузом. Не нравится — ждите.

Сорок серебром.

Слова ударили меня, как молния.

«Сорок серебром это вдвое больше моего долга. За один проход!»

Я выглянул из-за куста и увидел их.

Толпа стояла на косе у причала. Купцы в добротных кафтанах. Артельщики в грубых рубахах. Человек в чёрном с посохом — явно чиновник, «мытник Авиновых».

И бородатый купец в красном кафтане, который размахивал руками и орал на мытника.

Я посмотрел на ладью, застрявшую на якоре.

Потом обратно на толпу.

«Касьян держит здесь золотую жилу. Он контролирует проход. Берёт сорок серебром за ладью. Монополия».

И в моей голове щёлкнуло.

«А что, если что, если предложить меньше? Скажем двадцать?»

Идея была безумной. Рискованной. Но единственной.

«Я прошёл этот Перекат ночью. В дырявой лодке. И выжил. Я знаю этот Перекат».

«Двадцать серебром. Ровно столько, сколько нужно для долга».

Я вышел из-за куста и начал идти к толпе. Прямо. Уверенно. Как будто знал, что делаю.

Краем глаза я заметил, как со стороны деревни к причалу бежит Касьян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.